

Хелег Харт

18+

Трудно быть героем

или как не дать себя съесть во время подвига

Хелег Харт
Трудно быть героем,
или Как не дать себя
съесть во время подвига

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47103532
SelfPub; 2019*

Аннотация

Поучительная история о препятствиях на пути к великим свершениям и славе. Читатель узнает, чем опасна охота на чудовищ, от чего зависит выживаемость настоящего героя, а также выяснит некоторые гастрономические предпочтения всяческих тварей.

Содержание

Глава 1	4
История Ваханарской резни, часть 1	17
Глава 2	32
История Ваханарской резни, часть 2	36
Глава 3	53
История Ваханарской резни, часть 3	66
Глава 4	81
Глава 5	83
Глава 6	87

Глава 1

Самого бравого вида рыцарь, судорожно сжимая обеими руками палаш с выщербленным лезвием, крался сквозь темноту подземелья. Масляный фонарь, болтавшийся поверх нагрудника, давал мало света, зато отбрасывал такие живые тени, что впору было за сердце хвататься. Периодически воин так и делал – и всякий раз пытался прикрыть испуг тихим ругательством. Никто бы не упрекнул его в трусости (хотя бы потому что никто его сейчас не видел), но разве дело это – могучему рыцарю темноты бояться?

Впрочем, имелись и более веские причины для страха. Подземелье, как-никак, было не простое, а с историей. Если точнее, с байкой: поговаривали, что в этих пещерах живёт чудище с красноречивым имечком Ночная Злыдня, которое за неполную седмицу перебило шесть овец, пастушьего пса, самого пастуха, двух охотников и бабку-травницу, вышедшую в лес пополнить припасы конопли. Об этом рыцарь узнал на постоялом дворе при деревушке – и тут же увидел для себя возможность прославиться.

Теперь же, опасливо ступая по скользкому от влаги полу пещеры, странствующий герой запоздало подумал, что так и не удосужился выспросить деревенских, почему Злыдня непременно Ночная, если нападала она посреди дня. Судя по тому, каким глубоким и запутанным оказалось её логово,

информация эта пришлась бы кстати. Ещё полезнее было бы знать, давно ли Злыдня завелась и как она вообще выглядит. Зато как ему, рыцарю, рукоплескали, когда он на самом интересном месте вскочил на стол и, воздев меч к потолку, провозгласил: “Я избавлю вас от этой напасти, добрые люди!”...

Ладони в боевых рукавицах потели. Ступни, напротив, холодели. Ремешок шлема ослаб, отчего тот начал ездить при резких поворотах головы. Хлястик правого наплечника забился под рукав и натирал кожу. Несколько раз в голове странствующего героя проносилась мысль: “а не вернуться ли?”, но пока страх опозориться перед селянами побеждал боязнь темноты. Медленно, но верно рыцарь продвигался вглубь логовища, запоминая каждый пройденный поворот.

“Подвиги на дороге не валяются, – приговаривал он про себя. – Если я эту Злыдню не завалю, другой может всю славу заграбастать”.

Пещера всё не кончалась, а лишь ветвилась и уходила в глубь земли. Дневной свет уже давно померк позади. С высокого неровного свода свисали сталактиты, с которых капала вода. Иногда приходилось идти по колено в ней, холодной и вонючей.

Именно благодаря подтоплению рыцарь слышал чужие шаги. Они раздались внезапно и разнеслись по всему подземелью, отражаясь от стен. Рыцарь тут же завертел головой; шлем в очередной раз съехал ему на глаза. Но уши уловили безошибочно: шлепки донеслись спереди, из глубины лого-

ва.

Рыцарь мгновенно прильнул к стене и прикрыл фонарь рукой. Сердце заколотилось быстрее, в глотке пересохло. Шаги, неторопливые, то и дело прерывающиеся, приближались. Воин, вжимаясь в стену, занёс меч, готовясь ударить туда, откуда должно было появиться чудище. Мгновения потянулись как переваренный кисель.

Шлёп. Шлёп.

Злыдня была всего в нескольких шагах, за каменным выступом, и подходила всё ближе.

Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Плюх.

– Зар-р-раза... – пробормотало чудище человеческим голосом. – Ну вот, руку распорол...

Несколько сбитый с толку, рыцарь даже опустил оружие и проморгал тот миг, когда тёмная фигура появилась из-за выступа. Тут уж соображать стало некогда. Занеся меч над головой, бесстрашный воин с атакующим воплем бросился на противника. Луч фонаря мазнул по тёмному одеянию и снова нырнул в темноту. Палаш сначала рассёк воздух, а потом, у самого пола, чиркнул остриём по воде. Не ожидавший такого поворота рыцарь не успел остановиться, споткнулся о кочку и свалился прямо в лужу. Фонарь, пшикнув, погас. Пещера погрузилась в кромешную темноту.

– Сдурел, мужик?! – крикнули из темноты. – Чего кидаешься-то как полоумный?

– Кто здесь? – торопливо поднимаясь, спросил рыцарь. – Назовись!

– Сам назовись! Хорошо хоть я увернуться успел, а то бы располамил сдуру! Ты вообще какого огра тут забыл?!

– А ты чего забыл? – не растерялся рыцарь, пытаясь определить, откуда доносится голос.

Тот, как назло, замолчал – словно задумался.

– А ты чего забыл? – спросили из темноты, точно эхом.

– Я – рыцарь Ратибор! – гордо произнёс воин, держа меч наготове. – Прославленный убийца чудовищ, борец с нечистью! Добрые люди призвали меня, чтоб разобраться с напастью под названием Ночная Злыдня! А ты кто? Назовись немедля!

– Ратибор, значит, – усмехнулся незнакомец. – Ну, не горячись. Лучше потолковать, чем повоевать. Фонарь-то небось замочил? Давай хоть лучинку засветим. А то как нави, в темноте...

Послышалась возня. Ратибор неуверенно переминался с ноги на ногу, не до конца уверенный в происходящем. А ну как это злой дух говорит с ним человеческим голосом, хочет ввести в заблуждение? Чего, спрашивается, доброму человеку делать в самом сердце логова чудовища? А если эта Злыдня умеет притворяться, чтобы, например, заманивать добычу в ловушку?

Тут зачиркало огниво, высекая искры, и через несколько мгновений в самом деле затеплился слабый огонёк.

Лучину в руках держал крепкий парень среднего роста – чуть ниже самого Ратибора. Огонёк осветил только лицо и широкие плечи, но этого рыцарю хватило, чтобы облегчённо выдохнуть – слава Богам, человек. Светлые глаза, короткие светлые волосы, пропорциональное лицо – приятная наружность. На красавца незнакомец не тянул, но ярких внешних изъянов тоже не имел, как и присущей простолюдинам "картофельности" черт. Так мог бы выглядеть сын благородного господина и смазливой, но безродной кухарки. Одежда на нём была добротная, удобная, путевая – по крайней мере куртка.

– Ты шлем потерял, – сказал незнакомец, указывая вниз.

Ратибор тотчас ощутил его правоту, выругался про себя и быстро подобрал головную часть снаряжения. Натянув шлем, он почувствовал себя увереннее.

– В последний раз говорю – назови себя! – воин грозно повысил голос.

– Гвин я, – отозвался мужчина. – Стало быть, цель у нас общая. Может, объединим усилия?

– Ты тоже, что ли, охотник на чудовищ? – усомнился Ратибор. – И без доспеха?

– Не всем же на себе два пуда железа таскать, – нисколько не смутился Гвин. – Кто-то берёт грубой силой, а кто-то другими талантами!

Рыцарь, услышав такую чепуху, громко хохотнул. На воина его новый знакомец вообще не был похож. Ничем.

– А оружие-то твоё где, охотник?

– А вот оно!

Гвин выхватил из-за пояса кинжал – чуть меньше локтя длиной, хорошейковки. Вещица больше красивая, чем полезная.

– Шёл бы ты этой иголкой кафтаны штопать, – сказал Ратибор со вздохом. – Пастух, которого Злыдня умыкнула, и то небось получше вооружён был. Тебя вообще сожрёт без соли. К тому же, это чудище моё, я его сам убить должен. Такова честь рыцарская. Иди, Гвен, домой. Тут только погибнешь зазря.

– Сам домой иди! – обиделся "охотник на чудовищ". – Если не хочешь сообща работать, я сам справлюсь, понял?

– Ну-ну, – отозвался Ратибор, меняя начинку фонаря.

Он уже мысленно досадовал на то, что так перепугался из-за какого-то дуралея. И чего вот, спрашивается, таким героям дома не сидится? Ну раз воевать не умеют, ну куда лезут-то?

– Да ты послушай, – Гвин сменил тон на более дружелюбный. – Мне слава не нужна. Мне это, так сказать, для душевного успокоения. Убьём гадину вместе, а вся слава и награды пускай тебе достанутся. Ну так как?

– Кого-то из родных чудище забрало штоль? – догадался Ратибор.

Гвин посмотрел на него задумчиво.

– Можно и так сказать, – ответил он. – Ну так вместе идём

или по отдельности?

– Иди домой, – повторил Ратибор и направился дальше, вглубь пещеры.

Однако уже через пару мгновений его остановил возглас:

– А нету там твари!

Рыцарь обернулся, отчего свет его фонаря снова упал на Гвина.

– То есть как это – нет?

– А вот так! Я до самого конца дошёл. Пусто там. Видно, охотится тварь.

– Хочешь сказать, ты был у неё в логове?

– Вроде того.

– "Вроде того"?

– Тебе нужна подмога или нет? – снова задал Гвин. – Я эти пещеры все облазил, все ходы-выходы знаю! Не возьмёшь меня с собой – пожалеешь, точно тебе говорю!

Ратибор тяжело вздохнул. Ему вовсе не улыбалось тащить с собой балласт.

"Глупец, похоже, не знает цену жизни, – думал воин. – Может, пусть сводит счёты с чудищем сам, раз так хочется? Или с самим собой, что вернее...

С другой стороны, одному тут всё-таки страшно. Что-то зело недоброе в этом месте засело, это я ещё у входа почувял. Веет здесь какой-то... злобой. А если Злыдня не одна, а с выводком? Тогда одному можно и не управиться. Нужно чтобы кто-то хоть внимание отвлекал. Взять, что ли, его? Ну

раз ему мсть уж совсем ум застлала?"

– Ла-адно, – протянул Ратибор нехотя. – Только если будешь делать, как я скажу. Понял?

– Вот и чудно, – разом успокоился Гвин и тут же перешёл к делу. – Засаду надо устраивать.

– Как раз это я и хотел сделать, – буркнул рыцарь.

– Только не в самом логове, – добавил "охотник". – Слишком опасно.

– Чего это?

– А того, что тут ещё и трупоеды живут. Эта... Злыдня тащит тела в логово, но не жрёт их. Сам видел останки. Вот трупоеды сюда и повадились. В сырой тёмной пещере им хорошо, уютно... Если большой стаей набегут, туго нам придётся.

Ратибор взглянул на своего нежданного компаньона по-новому. Тот хоть и был с виду дурень дурнем, а кой-чего соображал. И во время рассказа речь его становилась всё деловитее. Чувствовалось, что Гвин знает, о чём говорит.

– Не брешешь? – уточнил рыцарь на всякий случай.

– Вот те зуб, – Гвин ковырнул ногтем резец. – Там чуть раньше было хорошее местечко. Такое горлышко, где обходных путей нет, и от логова недалеко. Хочешь, не хочешь, а мимо нас там придётся пройти. Пошли?

Ратибор постоял, всё ещё сомневаясь.

– Обманешь – отлуплю, – пригрозил он. – Давай, веди.

Гвин не заставил просить себя дважды. Они покинули за-

куток, в котором произошла их случайная встреча, миновали вросший в пол сталактит, прошли по искривлённой кишке пещеры, пролезли под толстой каменной плитой, накрывшейся поперёк прохода, и оказались в том самом месте, о котором говорил новый знакомец Ратибора.

– Вот, – сказал он. – Смотри, даже ниша удобная есть.

Они вдвоём заползли в углубление в стене пещеры, из которого отлично просматривался проход вглубь логова, и сели плечом к плечу. Почти сразу Ратибор ощутил, что по телу компаньона то и дело пробегает дрожь – это притом, что в пещере было довольно-таки душно. Поднял фонарь, осветил мужчине на лицо.

– Что-то ты бледноват, приятель, – заметил рыцарь с усмешкой. – И дрожишь, как осиновый лист на ветру. Страшно, небось?

– Не, – с показным безразличием отозвался Гвин. – Просто нездоровится слегка.

Ратибор ему, понятное дело, ни на грош не поверил и ещё раз усмехнулся, но издеваться больше не стал. Стыдно как-то было после того, как сам с перепугу опростоволосился. Так что он предпочёл сменить тему.

– Так кого тебя лишило чудище?

– Тебе что за дело? – нехотя отозвался Гвин.

– Да просто любопытствую. Всё равно в засаде заняться больше нечем, так чего бы время за разговором не скоротать?

Светловолосый чудак помолчал немного и хмыкнул, соглашаясь.

– Пожалуй, так. Давай потреплемся. Что ты знаешь вообще про эту Злыдню?

Ратибор сдвинул шлем на лоб и почесал затылок.

– Да не так уж много. Знаю, что скота она порядком передавила. Ну и людей с пяток. Это только на этой декаде, а вроде ещё раньше селян недосчитывались.

– Да, немного же ты узнал, – Гвин посмотрел на воина осуждающе. – А как убивает хоть знаешь?

– Дык это... – рыцарь замялся. – Насмерть убивает.

– М-да, – Гвин разочарованно отвернулся, и на его шею под кожей Ратибор разглядел красноватую вену. – Не пять там тел, это уж точно. Скорее пятьдесят. Костей я видел много в логове. Может, конечно, трупеды натащили, но сдаётся мне, они сами эту Злыдню побаиваются.

– С чего взял?

– С того, что там были нетронутые двухдневные трупы. Гули такое лакомство глотают, не раздумывая. Значит, не их добыча. Злыдня, видимо, какое-то время держит тела для своих нужд, а уже потом бросает трупоедам.

– А откуда ты столько ведаешь-то про чудяц? – спросил Ратибор, удивлённый познаниями компаньона.

Гвин вяло улыбнулся:

– Читаю много. Помнишь, я говорил про таланты? Смышлёный я.

– Грамотный, значит, – кивнул Ратибор. – Нечасто нынче встретишь обученного человека. Я сам целых четыре книги прочитал, когда жил при монастыре. Больше, чем некоторые монахи!

Гвин уважительно покивал, но ничего не ответил. На этом разговор запнулся, и каждый из охотников задумался о своём.

В пещере стояла тишина, лишь капала вода, да в отдалении, на самом пределе слышимости, улавливался шум ветра. Сколько ещё предстояло сидеть в засаде, Ратибор не знал, но втайне от самого себя надеялся, что чудище не явится. После рассказа Гвина Злыдня казалась ещё опаснее, чем представлялась раньше. Рыцарь начал подумывать о том, где бы взять подмогу – просто на всякий случай. Честь честью, а мыслить стратегически воину не зазорно.

– Это что же за тварь такая, что стаю костожоров запугала? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. – Исключительная, должно быть, зверюга.

– Это точно, – согласился Гвин.

– И пятьдесят жертв... Не припомню я таких случаев.

– А про Ваханарскую резню не слыхал что ли? – повернулся к нему собеседник.

– Слыхал, – отмахнулся Ратибор. – Да только то байки всё. Может, и убили там пару десятков человек, но никак уж не полторы сотни, как рассказывают. Раздули всё, как всегда на базарах.

– Не полторы сотни, – тихо сказал Гвин. – Почти две. Женщин, детей, стариков... Всех. Подчистую.

То ли потому, что парень говорил в сторону, то ли потому, что себе под нос, но Ратибору померещилось, что просторечный говор из голоса «охотника» вдруг выветрился.

– А ты, стало быть, всё знаешь достоверно? – подначивая, спросил рыцарь.

Гвин встрепенулся и с прежней интонацией выдал:

– Так это ведь знаменитая история! Не видал я ещё людей, которые бы про неё не слышали. При этом её редко рассказывают целиком, а иногда и вовсе опускают важные части. Суть теряется. Рассказать, как дело было?

"Сейчас начнёт заливать, – подумал Ратибор. – Знаю я таких сказочников. Так завираются, что земли под ногами не чувуют. Ну да и тролль с ним. Главное, чтобы рассказывал интересно".

– Валяй, – он обречённо махнул рукой.

Гвин только этого и ждал.

– Истории этой, как ты знаешь, уже десяток лет, – начал он с выражением. – Но на самом деле всё началось ещё раньше, а именно четверть века назад. По дороге из Церитоса в Неф-Суфум ехал обоз...

– Издалека заводишь, – отметил рыцарь.

– Не перебивай, а то вообще не успею рассказать!

– Ладно, ладно. Вещай, баюн.

– Так вот. По дороге из Церитоса в Неф-Суфум ехал

0003...

История Ваханарской резни, часть 1

По дороге из Церитоса в Неф-Суфум ехал обоз. Возницы подгоняли лошадей – солнце уже норовило закатиться за один из холмов, между которыми петляла дорога, а до деревни с постоянным двором оставалось ещё несколько лиг.

Невысокий купец с окладистой бородкой сидел на козлах передней повозки рядом с возницей, то и дело оглядываясь через плечо – проверял, не отстали ли другие. Всего в обозе было две крытых повозки и три телеги с высокими бортами: на первых ехала семья и прислуга купца, на вторых – товары. Вдоль этой вереницы равномерно распределились шесть наёмников охраны, хорошо вооружённых и на добротных скакунах. За их услуги купец выложил немало золота, но на душе его всё равно было беспокойно.

– С полудня ни единой души навстречу не попало, – сказал купец, по своему обыкновению размышляя вслух. – Всё потому, что заехали всё-таки в этот Шилем. Успеть бы теперь до заката...

– Успеет, господин, – заверил пожилой возница. – Я тут ездил, не раз даже. Аккурат к последнему солнечному лучику должны заехать на двор.

– Хорошо бы, – сказал купец. – Вастер!

Предводитель наёмников, чернявый широкоскулый мужик с серебром в щетине, молча обернулся на зов.

– От того двора нам далеко будет до тракта?

– По хорошей дароге четыре часа, – с ярким назирским акцентом ответил Вастер. – Но придётся павернуть на север.

– Значит, мы потеряем ещё полдня, чтобы навестать упущенное? Время нас не простит...

– Благодарному господину не надо беспокоиться. Я знаю широкою тропа, каторая идёт на юг-и-восток. Абоз там прайдёт. Нимного откланимся, но патом акажемся на тракте. Время не патеряем.

– Ладно, посмотрим, – купец встал и полез в повозку. Уже будучи внутри, он повернулся к вознице. – Позови, как будем подъезжать ко двору.

– Хорошо, господин.

Купец откинул занавеску, отделяющую переднюю часть повозки от задней, и тотчас поморщился от звонкого детского голоса:

– Папа! – беловолосый мальчишка вскочил со свёрнутого топчана. – Мы уже приехали? Мама говорит, что мы уже давно бы приехали, если бы не ты! Она сказала у тебя спросить, что это значит!

Купец с укором посмотрел на жену, но нарвался на взгляд ещё более сердитый и потупился.

– Мама права, – мужчина обнял жену и в качестве извинений поцеловал её в висок. – Мы могли не заезжать в Ши-

лем, но мне показалось, что там можно удачно поторговать.

– Иногда чутьё тебя подводит, свет мой, – ворчливо сказала женщина, но заметно было, что ласка мужа немного её смягчила.

– Что есть, то есть, – вздохнул купец. – Грязный городишко, и ничего толком мы там не продали. Потеряли время, пришлось изменить маршрут...

– ... и поехать по этим колдобинам вместо накатанного тракта, – сварливо закончила жена.

– Найя... Ну перестань.

– Перестаю, душа моя.

– Пап, а правда, что в Неф-Суфуме растут деревья с каменными ягодами?

– Они называются пальмами, сын. А каменные ягоды – это кокосы. У них внутри вкусная мякоть.

– А можно будет их попробовать?

– Нужно! Для того мы туда и едем.

Ребёнок восторженно заголосил и обхватил руку отца, намереваясь на ней повиснуть. Тот обманным движением высвободился и аккуратно уронил мальчика себе на колени, а потом принялся щекотать. Найя улыбнулась, глядя на них, но тут же посерьёзнела и прикрикнула:

– А ну прекратите! Миклар, он же потом не уснёт! А ты успокойся и сядь как положено послушному мальчику!

Парнишка нехотя слез с отца и с тяжёлым вздохом снова бухнулся на топчан. Его взгляд, направленный на вторую по

счёту повозку, мгновенно наполнился тоской.

Купец наклонился к уху жены и тихо, чтобы не слышал сын, сказал:

– Ты с ним не слишком... строга? Ему же восемь всего.

– Миклар, – оборвала купца Наяя тем же шёпотом. – Он из благородной семьи и должен привыкнуть к пристальным взглядам. Его манеры должны быть безупречны. Как будто нас с тобой иначе воспитывали.

– Наине это воспитание что-то впрок не пошло, – вздохнул купец. – Мне иногда кажется, что у нас не дочь, а ледяная статуя. Потенциальные женихи от неё шарахаются, боясь обморозиться.

– В четырнадцать лет такое бывает, – уверенно ответила мать. – Ещё расцветёт, распустится. Будешь ухажёров шпагой под её окнами разгонять.

В этот момент повозка резко остановилась. Даже чересчур резко – вознице второй повозки пришлось сильно натянуть удила, чтобы не въехать в первую. Лошади недовольно захрапели. Миклар, предчувствуя недоброе, ещё раз сжал руку жены и полез обратно на козлы.

Поперёк дороги лежало дерево. На нём сидел один-единственный человек, но так по-хозяйски, словно ему принадлежала не только эта дорога, но и весь Аль-Назир. Рубаха нараспашку, на поясе – топор, в зубах дымящаяся папироса. Длинные волосы убраны в хвост и схвачены шнурком. На правой щеке красовался уродливый шрам, напоминающий

осьминога.

Купец, не понимая, что происходит, выпрямился на козлах. Человек со шрамом тем временем сплюнул папиросу, растоптал её и поднялся со словами:

– Ну наконец-то!

– Кто ты? – спросил Миклар. – Зачем дорогу перегородил?

На него не обратили ровно никакого внимания. Трое караванщиков с саблями наголо подъехали к незнакомцу вплотную, вынуждая остановиться. Тот криво усмехнулся, вдохнул поглубже и громко свистнул, одновременно с этим дёргая с пояса топор.

И тут же началось.

С боков защёлкало; караванщики повалились из сёдел один за другим – двое с болтами в спине и шее, третий с топором в груди. Позади раздались крики, заржали кони, испуганно храпя в сбруе. Миклар растерянно соскочил с повозки, огляделся: трое головорезов напали на двух оставшихся наёмников, прижав их к одной из телег. У караванщиков не было ни шанса; они сумели ранить только одного, а затем поочерёдно рухнули под ноги к нападающим. Ещё двое разбойников набросились на возниц; купец видел, как одному размозжили голову булавой прямо на месте, а другого стащили на землю и закололи кинжалом. Двое немых детин кинулись во вторую повозку – туда, где ехала дочь купца и прислуга.

Тут Миклар наконец опомнился – выхватил спрятанную под сиденьем шпагу, прыгнул на землю, крикнул:

– Наина, беги! – но тут же на его пути вырос плотоядно ухмыляющийся человек со шрамом.

Он был безоружен; купец махнул шпагой, заставляя разбойника отступить, потом нанёс стремительный укол – и промахнулся. Головорез проворно ушёл в сторону, схватил Миклара за запястье, дёрнул, рассчитывая выбить противника из равновесия, но не вышло: тот сделал два шага вперёд и удержался на ногах. Не давая купцу опомниться, разбойник ударил его ногой в живот. Миклар согнулся пополам, выпустил шпагу и тут же получил удар в голову, после чего на какое-то время оказался на земле.

В это время верзила с заплетённой в косу бородой за волосы вытаскивал из обоза бьющуюся Наину – тонкую девушку с русыми, как у матери, волосами. Саму Найю выкинули из повозки, точно куклу, прямо под копыта лошадям и за ноги поволокли на обочину. Пожилая кухарка со вскрытым горлом осталась лежать в луже собственной крови – попыталась защитить молодую госпожу. Полненькая служанка попыталась сбежать; её настигли, оглушили и оставили лежать на дороге. Возница, ехавший рядом с господином, бросился было на помощь, но ему сразу же рассекли спину одним размашистым ударом.

– Чего так долго? – спросил человек со шрамом, наблюдая, как двое других молодцев потрошат купеческую повоз-

ку.

– Задержались в Шилеме, – ответил Вастер, вытирая кровь с клинка. – До последнего таргаш надеялся, что там наживётся. Устал слушать его барматание.

– Ну, зато сам теперь наживёшься. За его счёт, ха! Иди, проследи, чтобы делёжка честная была, – сказал главарь разбойников и хлопнул предателя по плечу. – Тебе как уговорено, пятая доля.

Миклар на земле зашевелился, огляделся мутным взором. Услышал женские вопли, затем понял: кричат его жена и дочь! Вскочил, плохо соображая, что делает, налетел на труп возницы, снова упал. В десяти шагах от него, прямо на обочине, со спущенными штанами на коленях стояли двое разбойников, а под ними, исходя криками, извивались женщины. Одурманенные похотью головорезы даже не замечали отчаянного сопротивления, которое слабело с каждой секундой.

Купец с рёвом вскочил, намереваясь разорвать насильников голыми руками, но тут из его живота показалось длинное тонкое лезвие, а в спину толкнулся эфес его собственной шпаги.

– Всё, отвоевался, – сказали ему в самое ухо. – Полежи пока.

Клинок внутри него дважды провернулся, и купец рухнул на землю, с головой окунувшись в океан боли.

– Какая сладенькая! – крикнул кособородый, впечатывая

Наину лицом в землю. – Давненько я таких целок не щупал! Атаман, такое надо попробовать!

– Да и мамаша ещё ничего! – крикнул второй, худощавый насильник и заржал истошным смехом, брызгая слюной и ни на секунду не прекращая толчков.

Человек со шрамом поморщился, глядя на них, сплюнул под ноги и крикнул тем, что в повозке:

– Ну что там, есть чего интересного?

– А то как же! – донёся приглушённый пологом ответ. – Не так уж плохо у них дела шли! Золото тут, шелка, украшения...

– Ну и славно, – сказал атаман себе под нос и наклонился над стонущим Микларом, чтобы срезать с его пояса кошелёк. – Это тебе больше не понадобится.

Кособородый с рёвом сделал несколько последних толчков и поднялся, натягивая штаны. Его место тотчас занял другой бандит, до той поры обиравший трупы – плюгавый, с широкой лысиной.

Вдруг из повозки раздался вскрик боли:

– Ай! Стой, сучонок!.. Куда?!

Человек со шрамом обернулся на звук и с недоумением увидел, что на него бежит, сжимая в руках окровавленный кухонный ножик, мальчишка. Он явно собирался воткнуть его бедро атамана. Тот без труда избежал удара, да ещё дал пареньку такого тумака, что тот рухнул на землю лицом вниз и проехал ещё шаг по инерции.

– Ничего себе сюрпризец, – озадаченно сказал атаман. – Вастер! Ты почему не сказал, что с ними карапуз?

Мальчик, судорожно вздыхая, сел на земле. Из разбитого носа текла кровь, ладошки тоже были разодраны. Он размазывал ими текущие по лицу слёзы, но смотрел по-прежнему волчонком.

Его отец лежал совсем рядом, корчился от боли, тихо скулил и звал жену. Мать и сестра почти нагишом лежали под немывтыми разбойниками. Виднелись только ноги – светлую кожу покрывали синяки и грязь. Остальные – прислуга и возничие – лежали без движения, все в тёмно-красном киселе, что уже подсыхал в дорожной пыли.

А вокруг, отвлекаясь от грабежа, уже собирались бандиты – посмотреть, что будет. Из повозки, шипя от боли, вылез раненый в плечо рыжий детина. Он злобно зыркал в сторону мальчишки и явно намеревался свести с ним счёты. Рядом с атаманом остановился не менее удивлённый Вастер.

– Я и забыл пра щенка, – сказал он, почесав в затылке.

– Под холстиной прятался, гадёныш, – прошипел рыжий. – Крепко меня цапнул! Можно я его пристукну, а, атаман?

Мальчонка вдруг взревел, вскочил и помчался на главаря банды. Вастер перехватил паренька, но тот всё же успел ощутимо лягнуть атамана в колено.

– Ого! – воскликнул человек со шрамом, потирая ушиб. – Да у нас тут боец! Держи его, Вастер, держи.

Караванщик заломил мальчонке руки так, что сколько тот ни брыкался, ничего не мог сделать. Его плач постепенно перерастал в рёв бессилия. Атаман сел перед благородным отпрыском на корточки и какое-то время молча наблюдал за его потугами. В его выцветших глазах не было ничего, кроме тщательно сдерживаемого бешенства.

Дождавшись, пока ребёнок выдохнется, главарь бандитов заговорил:

– Видишь это? – он ткнул пальцем в кривого осьминога на своей щеке. – Это мне оставил на память человек, похожий на твоего отца. А я был тогда как раз чуть постарше тебя. Я украл еду с его стола, потому что очень хотел есть. Ты знаешь, что такое всё время хотеть есть?

Мальчишка, шмыгая носом, молчал. Его взгляд буквально прилип к шраму атамана.

– Да уж, откуда тебе, – усмехнулся разбойник. – Тебя от мамкиной груди-то давно отняли?

По банде прокатился хохот. Их было тринадцать человек, включая Вастера. Не посмеялся только рыжий. Он всё ещё смотрел на мальчика с ненавистью.

Выдержав паузу, атаман заговорил снова – отчётливо и вкрадчиво, и при каждом движении его челюсти осьминог на его щеке весело подпрыгивал и дёргал щупальцами, точно в причудливом танце.

– Я думал, меня убьют. Это, знаешь, ли запросто там, где я вырос. Нищих там даже за людей не считают. Но тот человек

не стал меня убивать, – лицо атамана гнусно скривилось. – Решил сделать из меня пример. Чтобы никто больше не смел у него воровать. Знаешь, как именно он меня наказал?

Мальчишка смотрел на него исподлобья и даже не подумал отвечать.

– Он бросил меня на землю, – главарь сделал плавное движение, будто толкал от себя что-то, – занёс надо мной ногу и наступил мне прямо вот сюда, – рука прошла по шраму. – А потом он ещё хорошенько надавил, чтобы вдавить меня в грязь. И всё бы ничего, да только из его холёного сапога торчал гвоздь. Именно он разорвал мне лицо так, что еда вываливалась изо рта ещё неделю. Я бился в лихорадке, дружок. Выжил только потому, что друзья, такие же нищие как я, нашли целителя и выходили меня. Ты, наверное, сейчас тоже хочешь меня наказать, правда? – атаман с вызовом заглянул мальчишке в глаза. – Как по-твоему, сможешь сделать из меня пример, как тот человек?

Мальчик хотел ответить, но его челюсти так сильно стиснулись, что сквозь зубы прорвалось только злобное мычание.

– Вастер, отпусти его, – приказал атаман, выпрямляясь. – Медведь, дай ему свой кинжал. Давай, давай, не смотри на меня как филин. Пусть благородный господин поставит смерда на место.

Верзила с заплетённой в косу бородой снял с пояса кинжал и бросил к ногам мальчишки. Тот, не мешкая, подобрал его и выставил перед собой, держа обеими руками. Осталь-

ные бандиты образовали вокруг него и атамана круг.

– Видишь, всё по-взрослому. Это как дуэль, только мне, простолодину, оружие не полагается. Видишь, у меня ничего нет в руках? – главарь банды покрутил запястьями в воздухе. – Ну, чего стоишь-то, щенок? Ждёшь, пока я себя сам накажу?

Эта простая издёвка сработала отлично. Мальчишка снова взревел и кинулся вперёд. Атаман стоял до последнего и всего за мгновение до удара увернулся, а на излёте этого движения толкнул паренька пяткой в спину. Тот снова оказался на земле. Банда захохотала.

– Что, нехороший дядя тебя обманул? – издевательски протянул бандит и походя пнул корчащегося на земле Миклара. – Злой вонючий простолодин смеет обижать знатного маленького господина? Вставай, попробуй ещё раз! Меня, хама такого, надо покарать!

Парнишка вскочил и бросился на него. Он хотел за мгновение до удара изменить траекторию клинка, чтобы, когда противник снова увернётся, ударить его по горлу. Но на этот раз атаман встретил его в упор. Он перехватил руку мальчика, вывернул её, не стесняясь ударил паренька в лицо и швырнул его на землю.

Перед глазами у мальчика всё плыло. Он и так мало что соображал, а после удара и вовсе потерял ориентацию в пространстве. Лица бандитов смазывались в безобразные кляксы, звуки то тонули в воздухе, то выныривали прямо в уши.

Однако голос атамана, звучавший где-то рядом, звучал всё так же ясно.

– У той истории было продолжение. Когда я поправился, тот высокородный господин, что изуродовал меня, уже уехал. Оказалось, он был в моём городе проездом. Но имя его мне всё же удалось узнать. Ты слушаешь, боец?

Мальчик поднял голову. Атаман прохаживался из стороны в сторону, а шрам на его лице казался ещё ярче в лучах заходящего солнца.

– Вот и чудно, – кивнул главарь и продолжил. – С тех пор я, как видишь, вырос. И того господина я потом нашёл. Мы с ним встретились в одном тёмном переулке пару лет назад. Понятное дело, он меня вспомнил благодаря этому, – атаман указал на осьминога. – И сразу выхватил меч. Но знаешь, мне удалось одолеть его в драке. Мне, косорукому плебею, удалось победить благородного фехтовальщика. И знаешь, знаешь, что я сделал?

Глаза бандита заблестели от восторга, будто прямо сейчас исполнялась мечта всей его жизни. Не сводя взгляда с мальчика, он неспешно двинулся к его отцу, медленно умирающему в дорожной пыли.

– Я бросил его на землю, – знакомое толкающее движение, – занёс над ним ногу, – сапог атамана взмыл над купцом, – и сделал вот так, вот так, вот так!..

Голова Миклара расколосась, как орех, а разбойник продолжал неистово топтать то, что от неё осталось, словно на-

деялся перемолоть череп в муку. Его штанина пропиталась красным, во все стороны разлетались тёмные сгустки, и даже остальные бандиты немного разошлись в стороны, стараясь не смотреть на кровавое месиво, которое устроил их предводитель.

Мальчик мутным взглядом смотрел на то, что осталось от его любимого родителя, и на зарёванном лице читалась только отрешённость. Словно он смотрел, но не видел, а если и видел, то не мог осмыслить. Пока что.

Отведя душу, разбойничий атаман вытер рукавом брызги, попавшие на лицо, и, пошатнувшись, огляделся. Затем он вытащил из трупа шпагу. Несколько нетвёрдых шагов – и он у обочины. Наина лежала без сознания. Над Найей всё ещё пыхтел самый неугомонный из насильников. Пинком отшвырнув кобеля, атаман медленно и уверенно проколол шпагой горло женщины. Та захрипела, забулькала и быстро затихла. Затем то же самое случилось с её дочерью. Дождавшись окончания агонии, главарь банды развернулся и пошёл обратно к передней повозке.

Мальчик к тому времени сумел сесть. Он держался за разбитое лицо трясущейся рукой и иногда вытирал кровь рукавом камзольчика. Окровавленная отцовская шпага полетела к его ногам.

– Ну что, будешь меня наказывать, благородный господин? – бросил атаман.

Из его голоса исчезла издёвка, исчез азарт – остались толь-

ко безразличие и усталость.

Мальчик не пошевелился. Он смотрел на мучителя исподлобья и судорожно вздыхал, дрожа всем телом.

– Я... тебя... убью, – только и проговорил он сквозь всхлипы.

– Обещаешь? – вяло усмехнулся атаман и нагнулся к самому лицу парнишки. – Меня зовут Сайгар. Сайгар из Нихалы. Запомни это имя. Если ты вдруг не сдохнешь на улице, найди меня и сделай из меня пример, благородный господин. Мне, смерду, не привыкать.

С этими словами он выпрямился и, враз утратив к мальчику интерес, отправился раздавать указания. Мальчик наблюдал, как банда выворачивает наизнанку повозки, грузит всё ценное в телеги, выпрягает и уводит лошадей, и за всё это время так и не сдвинулся с места. Рыжий разбойник, бросив на мальчонку последний кровожадный взгляд развернулся и уехал вслед за остальными. Атаман запретил ему мстить, и послушаться главаря он не рискнул.

Над дорогой сгустилась ночь. Мальчик сидел посреди побоища, всё ещё не в силах пошевелиться. Темнота скрыла от него мертвецов, скрыла разграбленный обоз. Сирота чувствовал лишь едва уловимый запах смерти и то, какой холодной и неприветливой стала вдруг земля.

Глава 2

– Не повезло мальчугану, – сказал Ратибор, когда рассказчик сделал паузу, чтобы промочить горло. – Жуть какая. Но я что-то в толк не возьму – а Ваханарская Резня-то тут причём? Ваханара же вроде ближе к Южным Тингар стоит?

– Всё верно, – напившись вдоволь, кивнул Гвин. – Это было не про Резню. Резня случилась сильно позже и не там.

Рыцарь в ответ только хмыкнул. Он ждал байку, от которой уши в трубочку сворачиваются, а услышал страшилку, которая к тому же не имела ничего общего с темой разговора. Хотя рассказывал плут всё же интересно. Даже захотелось послушать ещё.

– Ещё какие небылицы знаешь? – спросил Ратибор как можно небрежнее, чтобы скрыть заинтересованность.

– В смысле – небылицы? – возмутился Гвин. – Я, между прочим, чистую правду рассказываю!

– Да не смейся. Я раз пять в тех краях был.

– И что?

– Да то, что был я в Шилеме. Нет там никакой дороги на Неф-Суфум. Только тракт, и тот в трёх вёрстах.

– Можно подумать, ты все дороги знаешь, – буркнул Гвин.

– И холмов никаких нет там, – продолжал Ратибор, почувствовав неуверенность собеседника. – Между Шилемом и Неф-Суфумом песчаные каньоны на тридцать лиг – тракт

их как раз огибает. Имени я тоже ни одного знакомого не услышал...

– Ну, может и перепутал я чего! – сдался плут. – С кем не бывает? Главное ведь суть передать!

Тут Ратибору померещился шум, идущий из глубины пещеры. Рыцарь тут же наострил уши и шикнул на разоряющегося вруна. Тот мгновенно замолк, прислушиваясь.

Тишина надавила на уши. Нарушая её хрупкую поверхность, неподалёку по-прежнему капала вода. Еле слышно шумел воздух среди каменных препятствий. И всё. Больше ни единого звука.

И вдруг – одиночный глухой стук, будто камень упал на деревянную колоду или наоборот. Сумасшедшее пещерное эхо тут же подхватило его и разнесло по всем тоннелям, ударило о каждую стенку, да ещё и не по разу; резкий звук на несколько мгновений превратился в гул и быстро смолк. О том, чтобы определить его источник, не могло быть и речи. Замершие в своём укрытии охотники ещё с минуту вслушивались в тишину, но напрасно.

– Схожу проверю, что ли? – Ратибор настороженно оглядывал освещённую часть подземелья.

– Ага. А я тебя сзади прикрою, – с готовностью отозвался Гвин и подтолкнул рыцаря – мол, иди, чего сидишь?

Рыцарь осторожно поднялся и, сжимая рукоять верного палаша, двинулся в тоннель. Посветил в одну сторону – никого. Посветил в другую – то же самое. Для уверенности во-

ин дошёл до ближайшего поворота и заглянул за него. Тоже пусто.

– Может, кусок сталактита отвалился? – подал голос Гвин, который всё это время ходил за Ратибором след в след.

– Сам по себе? – усомнился воин.

– Не знаю. Но вряд ли это было что-то живое. Пойдём обратно.

Спорить Ратибор не стал. Если бы это была какая-то тварь, она бы и дальше издавала звуки, а тут пара ударов – и тишина.

Немного потоптавшись на месте, Ратибор развернулся и пошёл за Гвином в их проверенное укрытие. Там они ещё какое-то время сидели молча – прислушивались. В конце концов равномерная капель так утомила рыцаря, что его стало клонить в сон.

"Только этого и не хватало сейчас, – подумал он, потирая глаза. – Надо чем-то себя занять".

– Давай следующую байку, – Ратибор зевнул во весь рот. – А то меня сейчас сморит.

Гвин тут же оживился.

– Всё-таки веришь мне?

– Нет. Но язык у тебя неплохо подвешен.

Плут пожал плечами – мол, и на том спасибо.

– Тогда слушай. Сквозь ночь кралась одинокая фигура, и только Нир...

– Зачем ему красться по пустой дороге?

– Кому?

– Пареньку, у которого убили родителей.

– Тьфу на тебя! Я сейчас вообще про другое! Просто не перебивай, ладно? Тогда всё и поймёшь.

– Хорошо, хорошо, продолжай.

– Так... На чём я остановился?

История Ваханарской резни, часть 2

Сквозь ночь кралась одинокая фигура, и только Нир наблюдал за ней с небосвода. Человек перебегал из тени в тень, поминутно оглядывался, старался не выходить на открытые участки – словно готовящийся ко сну город мог в одно мгновение проснуться и проглотить наглеца. Улицы и впрямь не пустовали: ходили патрули городской охраны, сидели под фонарями самые заядлые игроки в кости, куртизанки ворковали с подвыпившими клиентами, да и припозднившиеся рабочие всё ещё расходились по домам.

Крадущийся в тенях старательно избегал любых столкновений с людьми. Сегодня они для него были смертельно опасны.

Миновав жилые улицы, человек вышел к громаде ткацкой мастерской, возвышавшейся в самой середине ремесленной улицы и занимавшей чуть ли не половину квартала. К добротной кирпичной стене жались, точно выводок к мамаше, небольшие складские строения и другие мастерские, значительно более скромные. Кое-где в окнах ещё мелькали огоньки, а над крышами курился дымок. Слышались тихие переговоры стражников. Крадущийся человек, обогнув по широкой дуге уличный пост охраны, нырнул в переулок между

двух кособоких зданий и почти сразу наткнулся на другого такого же крадущегося.

Оба – в тёмной одежде и перчатках с жёсткой внутренней стороной. Тот, что прятался в переулке, носил капюшон, а с плеча его свисал моток верёвки. У второго на поясе болтался маленький масляный фонарь, пока что незажжённый. Лица у обоих были донельзя сосредоточенные.

– Ну? – шёпотом спросил новоприбывший у поджидавшего его друга.

– Я тебе понукаю, – прошипел тот в ответ. – Я тебе сейчас так понукаю! Какого огра так долго?

– Поспешал не торопясь, – первый повязал на лице платок, скрыв под ним всё ниже глаз. – Ты смотрел?

– Смотрел, смотрел... Дорогу по крышам проверил ещё разок. Внутри заглянул – вроде бы на месте всё. Охранник один только, и тот снаружи. У него даже ключа нет. Вроде бы...

– Верзила с заячьей губой? – спросил первый, воровато поглядывая на выход из переулка.

– Он самый.

– Тогда есть у него ключ. Он из личной охраны Дхаруна. Раз его поставили, значит там точно что-то есть.

Оба авантюриста замолчали, глядя друг на друга. Будто проверяли – а готов ли напарник?

– Аттис, – сказал тот, что в капюшоне. – Нам пора с этим завязывать.

– Шай, – в тон ему отозвался Аттис, – не трясись. Всё же нормально идёт.

– Когда станет ненормально, уже не завяжешь, – буркнул Шай. – Дхарун нас самих... завяжет.

– Вот ты пёсий хвост! Ты же даже на него не работаешь. Чуть что все шишки на меня полетят. Говорю тебе – главное слишком много не украсть.

– Ты совсем что ли не боишься?

Аттис посмотрел на приятеля с укоризной.

– Кто не рискует, тот не шикует. Испугался он! Лезь давай или домой иди.

Шай буркнул под нос тихое «сам иди», но уходить и не подумал. Размотал верёвку, раскрутил уже связанную петлю и ловко накинул её на трубу ближайшего здания.

– Ступай след в след, – сказал он и полез наверх.

Они взобрались на покатый деревянный настил, покрытый дёгтем и птичьим дерьмом, и двинулись вглубь квартала уже поверху. Крыши были разной крутизны и качества, поэтому идти приходилось очень осторожно – любая ненадёжная черепица или подгнившая стропилина могли испортить всё дело. От грохота падения точно проснулся бы даже самый беспечный стражник.

И всё же воры оказались достаточно ловкими или удачливыми, чтобы добраться до цели, не подняв тревогу. Они прокрались до крутой двускатной крыши, прошли по её краю до поперечного конька, под которым пряталось небольшое

круглое дышло. Всего час назад оно было заколочено досками, которые теперь, вывернутые, лежали на карнизе. Здесь Шай замялся, делая вид, что поправляет куртку, но Аттис нетерпеливо подтолкнул его, чтобы тот не успел начать сомневаться.

Шай пролез в дырку легко: самой выдающейся его частью был нос, благодаря чему вор немного напоминал цаплю. Аттис был крупнее, особенно в плечах: там, где напарник чуть ли не пролетел со свистом, ему пришлось протискиваться. Тем не менее, оба благополучно оказались внутри. В крошечной темноте, которая пахла пылью, гнилью и сильнее всего душистыми пряностями.

Тихо чиркнуло кресало – раз, другой, третий, – и внутри поясной лампы заплясал робкий огонёк. Его свет вытаскивал из темноты гору грубых матерчатых мешков, несколько коробов, настенные пластины с крючьями, на которых были натянуты верёвки, ряд пустых вешалок, ещё мешки, ещё коробки... Воры осматривались, выискивая что-то – они сами не знали, что именно ищут.

– Ну и где?.. – прошептал Шай.

– Спрятаны где-то, – так же тихо отозвался Аттис. – Давай, ты слева, я справа.

Воры разошлись в разные стороны и начали копаться в содержимом склада. Один обыскал коробки, другой протыкал пальцем все мешки. Потом оба порылись в ящиках со специями. Всё это – очень тихо, так, чтобы не услышал охранник

за дверью. Даже чихали беззвучно; особенно туго приходилось Шаю, который не додумался защитить нос платком.

Спустя несколько минут скользкая парочка остановилась посреди склада.

– У меня ничего. Уверен, что товар тут?

– Сам видел, как Дхарун давал ключ охраннику. А до этого видел письмо от поставщика. Говорю тебе, товар привезли сегодня. Утром его погрузят и увезут дальше, вглубь страны.

– Может, склад не тот? Поставили сюда громилу для отвода глаз, а сами спрятали в другом месте.

– Да тот, тот. Просто не нашли пока. Давай-ка ещё вон там пороемся...

Они снова разошлись. Снова поднялась деловая возня, закочевал из рук в руки мутный от грязи фонарь. Поскрипывали петли ларей, шуршала мешковина, чуть слышно постанывал дощатый настил. Иногда всяческое шевеление полностью прерывалось – особенно когда слышались звуки с улицы. Но всякий раз это был либо далёкий вой собаки, либо голоса проходящих мимо патрульных, поэтому шебуршание возобновлялось. Пока, в конце концов, не прервалось судорожным вздохом Шая.

– Нашёл, – прошептал он одними губами.

Аттис тотчас оказался рядом и чуть ли не отёр подельника плечом.

В ящике, под слоем недозревших персиков, да под фальшивым дном, поблёскивали в свете лампы жёлтые камни. Их

ответы казались неестественными: не могли даже самые чистые бриллианты возвращать столько света от такого скудного источника. На несколько мгновений воры замерли, заворожённые красотой своей добычи.

Опомнившись, Аттис бросился к соседнему ящику, сунул руку в его глубину, подцепил дощечку – там лежали те же камни.

– Вот они, родимые, – сказал он, не в силах сдерживать улыбку. – Честна награда, другой не надо.

– Это ж сколько... это ж где?... – недоумённо прошептал Шай.

– На каком-то острове в Солнечном Архипелаге нашли месторождение, – объяснил Аттис, распахивая камни по карманам. – Поставщик секретничает, не говорит, где именно. У них с Дхаруном сделка: один возит, другой продаёт.

– Дружище, а ты-то как об этом узнал? – Шай тоже набивал карманы. – Тут вон какие деньжищи крутятся. Это же гелиодор! Кого попало уж точно бы посвящать не стали.

– А Дхарун думает, что я читать не умею. Доверил мне однажды важное послание... Всё, хватит трепаться. Бери столько, чтобы не сильно заметно было, и...

Оглушительно заскрипели петли, дверь стукнулась о валяющуюся на полу чурку, и в склад хлынул яркий свет. Воры тотчас бросились в разные стороны, но поздно: их уже заметили, а бежать было некуда.

– А ну-ка ловите их! – гаркнули из дверей.

Аттис бросился к полке, ведущей к лазу на крышу, но пока залазил, его схватили за ногу и сдёрнули вниз. Уже лёжа он отмахнулся от нападающего и засветил тому в ухо, за что вора тотчас ударили ногой под дых. Свет в глазах смазлся и поплыл. Поблизости как-то придушенно кричал Шай.

– Держи его, держи! – орали сверху.

Аттис ещё попробовал поспротивляться, но его успокоили несколькими тычками под рёбра. Пришлось скрючиться и, стоически терпя наплывы паники, затихнуть.

– А я ведь знал, что меня обкрадывают, – сказал сухой хозяйский голос. – Ну, и кто у нас тут?

Аттиса схватили за волосы, рывком подняли голову и сорвали платок. Сначала он встретился глазами с точно так же заломанным Шаем – у того был разбит нос. А потом в поле зрения появился Дхарун.

Ему было чуть за пятьдесят, но смотрелся он моложе благодаря совершенно чёрным – без малейшей проседи – волосам и короткой окладистой бороде. Контрабандист выглядел настолько представительно, что хоть картины с него пиши: правильные, будто точёные черты, спокойное и вместе с тем властное выражение лица – даром, что бывший босяк, кухаркин сын. Единственное, что портило его внешность – бельмо на правом глазу, но оно тоже скорее добавляло жёсткости, чем уродовало.

И сейчас единственный зрячий глаз Дхаруна, лишь мазнув по Шаю, уставился на Аттиса.

– Понял, – сказал он после короткого молчания. – А я-то грешил на Бырхана. А ворует, оказывается, простой слуга! Я с тобой плохо обращался, что ли?

Вор, стиснув зубы, молчал. Знал: никакой ответ не смягчит его участь. Дхарун никого не прощает. Особенно за предательство. Его нет смысла умолять или объяснять что-либо. Если ты против Дхаруна, Дхарун тебя уничтожит.

А вот Шай ещё надеялся на лучшее.

– Господин, простите нас! Мы же не от хорошей жизни! Мы же для пропитания! Мы всё вернём, хотите?! С процентами! Будем работать...

– Заткните его, – бросил Дхарун, и в рот Шаю тотчас затолкали какую-то тряпку.

– Сопляки совсем, – сказал один из верзил, тот самый охранник с заячьей губой. – Жалко даже.

Дхарун ожёг подручного взглядом и снова повернулся к Атгису:

– Сколько вас в шайке?

Вор молчал. Он пытался боковым зрением сосчитать бандитов, но внимание постоянно переключалось на незрячий глаз Дхаруна. Казалось, в мутной белизне засела неискоренимая жажда убийства.

– Понял, – кивнул контрабандист. – Не скажешь. Это хорошо, это правильно. То есть для тебя сейчас это плохо, конечно. Но вообще – да, достойно уважения...

Дхарун отошёл к ящикам, в которых рылись воры, осмот-

релся, вполголоса сказал что-то стоящему рядом подручному. Аттиса тем временем вздёрнули на ноги. Тот не сопротивлялся, он вообще с трудом стоял: если бы не головорезы, которые держали его под руки, вор рухнул бы на пол.

По крайней мере в этом он хотел всех убедить.

– Твой подельничек всё равно мне всё выложит, – сказал Дхарун, снова поворачиваясь к Аттису. – Я просто решил дать тебе возможность облегчить душу.

Он протянул руку, и в неё тотчас вложили кинжал. Шай замычал и заёрзал – вроде как попытался вымолить прощение. Аттис только стиснул зубы.

В раскрытые настежь двери склада заглядывал любопытный Нир. Его тусклые синеватые лучи свободно падали на пол в нескольких шагах, но путь к ним преграждало двое бывалых убийц и Дхарун, который был во много раз опаснее их обоих. Аттис не боялся смерти. Он боялся, что умрёт так рано и глупо. В нескольких шагах от спасения...

– Знато вы у меня крови попили, – контрабандист проверил остроту лезвия пальцем. – Сколько? Раза два? Три? Я как чуял, что гелиодор-то вы точно не пропустите. Жадным быть нельзя, на жадности погореть легко... Ладно, это всё не к теме. А к теме: точно ничего мне рассказать не хочешь? Хорошенько подумай. Я ведь могу тебя ткнуть в сердце, а могу в кишки. Итог один, ощущения разные. Так что выбери, слуга?

У Аттиса имелось мнение насчёт того, куда Дхаруну стоит

ткнуть свой кинжал, но он решил оставить его при себе. Раз уж решил молчать, незачем попусту рот разевать.

Контрабандист ждал ответа долго – видимо, рассчитывал всё-таки сломать юнца напоследок. Поэтому когда всё-таки не дождался, голос его прозвучал слегка разочарованно.

– Понял. Значит, в кишки.

Дхарун перехватил кинжал поудобнее. Шай отчаянно замычал.

Аттис прыгнул.

Всё это время он старательно вис на руках бандитов, и теперь вложил все силы в один мощный рывок. Бандиты среагировать не успели, а вот Дхарун вскинул кинжал – поэтому когда Аттис по инерции влетел в него, левым предплечьем он наткнулся на остриё, а правым плечом врезался контрабандисту в челюсть. Аттис всегда был парнем крепким, поэтому Дхаруна сбил с ног запросто – только клацнули зубы. Поперек движения выставил руку ещё один головорез, но вор, стараясь не потерять остаток инерции, нырнул под неё, споткнулся, кувыркнулся, прокатился – и вдруг оказался у самого выхода.

Следующее, что он запомнил – как бежал, зажимая рану в руке, меж складов, сзади топали, и Дхарун орал где-то в отдалении: «Ты покойник, слышал?! Я тебя на куски порву!..», а потом орал что-то ещё, но было уже не слышно. Переулки сменяли переулки, в руке пульсировала жгучая боль, ноги бежали будто сами по себе – Аттис сам удивлялся, как ни

разу не споткнулся. В голове почему-то крутилась мысль о том, что ящики не все посмотрели, хотя какая теперь разница-то, разницы теперь совершенно никакой...

Преследователи сначала поотстали, потом вовсе исчезли – вор даже не заметил, когда именно. Он вдруг понял, что стоит посреди жилой улицы, причём далековато от складов, а Нир прокатился по небу на добрый час. Подумалось: «так поздно уже, а если химера какая выскочит?», а потом: «да ну и пёс с ней».

Только теперь навалилось осознание: они попались, Дхарун видел лицо Аттиса, а Шай скорее всего не доживёт до утра. Жизнь, которую Аттис построил здесь, в этом городе, кончена. Потому что не будет больше в этом городе безопасных мест. Есть, конечно, ратуша и правящий совет, но всё же это город Дхаруна. Он здесь власть, он здесь «крыша», и все стражники – его стражники. Это значит – придётся бросить всё и рассвет встречать уже на тракте. Но куда идти? Как скрываться? Где кончается тайная паучья сеть Дхаруна?

Аттис задрал голову, стиснул зубы и надрывно застонал, словно выпуская наружу досаду и накопившуюся в руке боль. Провалил дело, пожадничал. Бросил друга. Потерял всё. Осталась только сама жизнь да гелиодор, распиханный по карманам – его так и не удосужились отнять. Только кому его теперь продавать? Дхарун наверняка перекроет все каналы. Драгоценность превратилась в балласт.

Аттису хотелось прокричаться как следует, но даже этого

он сделать не мог. Чтобы выжить, ему требовалось превратиться в немую тень, незаметную и никому, ни единой душе неизвестную. Тихо уползти туда, где не найдут, затаиться... пока Дхарун не умрёт от старости или не выживет из ума. При его здоровье и деньгах это ещё лет тридцать, а то и больше. Вздохнуть с облегчением Аттис сможет только к старости...

Подумал так – и тут же взял себя в руки. Встряхнулся. Отчаиваться некогда. Нужно бежать.

Только прежде, чем покончить со всей этой жизнью, нужно сделать самое сложное.

Незадачливый вор уверенно двинулся вниз по улице, в Бедняцкую Низину. Теперь он таился ещё больше, хоть это было и нелегко с кровоточащей раной в руке. Если прежде в каждой тени ему мерещился наблюдатель, то теперь казалось, что за каждым углом притаился убийца. Риск был велик, но то, зачем шёл Аттис, было важнее риска. Если задуматься – важнее всего.

Широкая улица закончилась, и Аттис углубился во дворы. Там нашёл нужный дом – старый, но большой и добротный. С некоторым трудом перевалился через хлипкую ограду, прокрался вдоль стены, подошёл к окну, выходящему на узкий пяточок, зажатый меж двух хозяйственных построек и скрытый внушительным кустом ирги. Попытался заглянуть внутрь – там была крошечная темнота. Вздохнул, с тоской глянув на небо, и постучал в стекло пальцем.

Темнота в комнате зашевелилась. Аттис прижался к стенке – на тот случай, если разбудил не того. Ставня с тихим скрипом приоткрылась и прозвучал настороженный шёпот:

– Это ты?

Вместо ответа Аттис отлепился от стены и вышел на свет. Из окна выглядывала хорошенькая девчонка – та единственная, с которой юный вор не мог не попрощаться.

Едва увидев его, подруга скрылась в комнате со словами:
– Залазь скорее. Сегодня я одна...

Аттис послушался, хотя не планировал задерживаться. Он всё оттягивал тот миг, когда скажет «мы больше никогда не увидимся», будто до сих пор надеялся на обратное.

Девушка зажгла свечу, повернулась к парню, чтобы обнять – и заметила рану.

– Боги! Аттис!

– Стана...

– Кто тебя так? Садись, я сейчас...

Она так быстро исчезла в другой комнате, что вор не успел даже возразить. Через полминуты она вернулась с ведром воды и чистыми тряпками.

– Сейчас промою... Вроде, неглубоко. И крови не так уж много.

– Стана...

– Да сиди ты спокойно! Как умудрился?

Аттис стоически терпел, пока Стана промывала рану и накладывала повязку. Ответить ей он не мог. Не знал, как

именно. На язык почему-то просились только извинения, да ещё немного – ругательства. Поэтому Аттис молчал. Смотрел на девушку, на то, как хорошо смотрится её профиль в свете свечи и как становится практически незаметным шрам на пол-лица, полученный в детстве от пролитого кипятка. Он пытался осознать, что именно таким будет последнее его воспоминание о ней, и по сравнению с болью от этой мысли боль в руке просто не существовала.

Он ещё думал: может, оттолкнуть её? Нагрубить и уйти, чтобы ей было проще. Погорюет немного да забудет. Зато жизнь у неё возможно тогда сложится... Только правильно ли это? Не правильнее ли правду рассказать?

В какой-то момент Стана поняла, что случилось нечто серьёзное, и перестала задавать вопросы. Она закончила перевязку молча, а потом просто ткнулась лбом в плечо Аттиса, закинув руки ему на шею. Он не удержался – обнял в ответ, зарылся носом в её волосы.

– Если я останусь, мне конец, – сказал он, собравшись с духом. – Придётся уйти. Навсегда.

Девушка даже не пошевелилась.

– Почему?

– Я хотел как лучше, – Аттис понимал, что выглядит жалко, но ничего не мог с этим поделать, а потому голос его звучал всё беспомощнее. – Веришь? Для нас с тобой лучше. Достать денег и уехать! Думал – украду, а потом заберу тебя отсюда. Вот, украл... Смотри, это гелиодор. Он много стоит.

Но хозяин этого добра меня поймал, и... Я тебе клянусь, я был уверен, что всё получится! А Шай говорил... А теперь Шая нет. И продать я теперь это не смогу, потому что меня сразу поймают и выдадут! И нет у меня теперь ничего! И не жить мне вообще! Еле убежал... Теперь бегать до конца жизни... И... без тебя...

К концу этой сбивчивой речи юноша уже почти рыдал. Потом вдруг представил себя со стороны и устыдился. С чего Стане должно быть легче, если он будет вести себя, как размазня?

А она только спросила:

– И куда ты теперь?

Он глубоко вздохнул и, пряча глаза, уже твёрже ответил:

– Не знаю. Далеко. На восток или на север. В какую-нибудь глушь.

– Когда?

– Прямо сейчас. Меня уже ищут, понимаешь? Там такие люди... тебе лучше не знать, какие. Меня не просто убьют, а сделают из меня пример. Показательный. Чтобы никто...

Аттис осёкся. Стана молча смотрела на него, и вор просто не мог выносить этот взгляд. Он вдруг понял, что вообще не может больше терпеть происходящее и хочет, чтобы всё поскорее закончилось. Он словно медленно и мучительно отрывал от себя очень важную часть, и хотелось покончить с этим одним сильным рывком.

Но нужные слова почему-то не находились, а ноги при-

росли к полу.

– Ты обещал, – вдруг сказала Стана, да так серьёзно, словно не пятнадцатилетняя девчонка, а взрослая женщина.

Аттис даже голову пригнул, как от затрещины.

– Обещал, – согласился он. – Но теперь «долго и счастливо» получится уж слишком недолгим. Станка... Прости. Прости меня. Слышишь? Я...

– Просто возьми меня с собой.

На несколько мгновений юноша смешался – настолько безумной ему показалась идея.

– С ума сошла? Я не могу!

– Почему?

– Потому что тебя тогда тоже... Это же прятаться от всех и каждого! Жизнь псу под хвост!

– А здесь у меня что за жизнь? – вдруг улыбнулась девушка. – Что мне здесь терять-то? Отца с его новой семьёй? Работу на грязной кухне? Глупый ты!

Она приблизилась, поймала его взгляд и по привычке тряхнула волосами, чтобы прикрыть ими шрам.

– Никому я тут не нужна кроме тебя.

Аттис смотрел на подругу с сомнением.

– Опасно ведь.

– Я готова рискнуть.

– Спать придётся где попало.

– Ты кровать мою видел?

– Я не знаю, что нас ждёт.

– А я знаю, что меня здесь ждёт. Проживу всю жизнь и помру, как бабка моя, от гнилого зуба. Лучше уж не знать.

Аттис из последних сил сопротивлялся желанию согласиться. То, что предлагала Стана – сумасшествие, но вышло так, что это было самое логичное на свете сумасшествие. А ещё ему было стыдно, непонятно почему. Может потому, что девушка почти не глядя согласилась идти за ним, вором-неудачником?

– Ты серьёзно готова бежать прямо сейчас?

Вместо ответа Стана дошла до сундука, достала из него мешок и начала кидать в него вещи.

Аттис потёр перевязанную руку и робко улыбнулся. Ему вдруг стало намного спокойнее, без всякой на то причины.

– Тогда и еды возьми. На рассвете мы должны быть уже за городом.

Глава 3

– Вот так и выбрались, – подытожил Гвин и вдруг замолчал.

– И что? – спросил Ратибор.

– Что – что?

– Что дальше-то было? Ты к чему вёл, сказитель?

– А, дальше... – Гвин будто слегка растерялся. – Ну, дальше они какое-то время скитались. Сменили имена. Забрались в глушь ближе к западным отрогам Южных Тингар. А потом как-то раз прослышали про чародея-затворника, который живёт неподалёку. Пошли к нему, нанялись в прислугу...

– Да ну тебя! – отмахнулся рыцарь. – Где про Резню-то? Опять не к месту рассказал что-то, и вроде как так и надо!

– Да всё связано ведь! – в очередной раз возразил Гвин.

– Ага, связано! Знаешь, что? По-моему, ты мне тут историю жизни себя любимого решил изложить. Душесщипательно, конечно, да только не про то твой рассказ! Ты знаешь про Резню или нет?

– Знаю! – выпалил пройдоха. – Только ты всё никак не потерпишь, пока до самого интересного дойду!

– Да ты уже добрых три часа заливаешь, когда оно будет-то, интересное? И ты хочешь сказать, что видел Резню, так что ли?

Гвин надулся было, чтобы ответить, да только по пещере вдруг разнеслось эхо шлепков. И ног – а скорее, лап, – на этот раз было намного больше, чем две.

Охотники тотчас перестали дышать. Ратибор изготовил меч, Гвин стиснул двумя руками кинжал – глаза у него были как у испуганного филина. Рыцарь ещё подумал, что придётся прикрывать этого чудилу собой, а то сожрут ведь.

Шлепки приблизились, к ним добавились урчание и по-рыкивания. Твари шли не торопясь – клацали по камню когти, чуть слышно шуршали чёрствые шкуры.

– Трупоеды, – прошептал Гвин. – Трапезничать идут, не иначе.

Ратибор не стал тушить фонарь – на слух тварей было не больше четырёх, с таким количеством он бы точно справился, а вот разглядеть врагов требовалось заранее. Кроме того, зрение у гулей слабое, могут и не заметить. Запах учуять – другое дело, но сквозняка в закутке не было, так что и тут удалось спрятаться.

Вскоре они показались – тёмные создания, на первый взгляд чахлые и облезлые, на деле же не менее смертоносные, чем волки. Горбатые, пресмыкающиеся, с длинными ловкими руками и ногами, гули прошли вглубь пещеры, и только один остановился. Округлая тупая башка мотнулась из стороны в сторону, обрубок, заменяющий нос, втянул воздух. Пасть, усеянная мелкими зубами, неожиданно широко раскрылась, раздался противный рык и...

– Бей его скорее! – истерично крикнули сзади, и все пришли в движение.

Гуль бросился наутёк вслед за собратьями. Ратибор, матерясь, побежал за ним. Гвин вроде как кинулся в противоположную сторону – ну и тролль с ним. Не хватало ещё упустить чудищ, беспокоясь о бесполезном вруне!

Трупоед улепётывал проворно, но недостаточно, чтобы рыцарь отстал. Остальные, видимо, услышав погоню, тоже припустили со всех ног. Ратибор знал: твари выведут его в засаду и тогда вместе нападут. Но броня сидела крепко, меч в руке лежал уверенно, поэтому воитель не боялся своры. Была б то таинственная Злыдня, тогда другое дело, а гули – противники знакомые, нестрашные...

Фонарь задуло, и рыцарю пришлось остановиться, чтобы снова его зажечь. Гуль, конечно, убежал, но деваться ему всё равно было некуда, так что воин двинулся дальше, внимательно оглядывая все углубления, где могла таиться тварь. В воздухе появилась страшная вонь – будто в сырой мертвецкой во время эпидемии – и с каждым шагом становилась всё тошнотворнее. «Не врал, значит, баюн, – подумал, морщась, Ратибор. – И впрямь много народу здесь полегло».

И вдруг впереди он увидел свет. Тусклый, но в сплошной темноте более чем заметный. Широкий луч просачивался сверху и освещал широкую область – тоннель закончился, влившись в обширный грот.

В луче промелькнула тщедушная тень трупоеда. Ратибор

с рёвом бросился в атаку.

Из темноты на него тут же выпрыгнул враг. Рыцарь среагировал безупречно, и сходу разрубил гуля пополам. Брызнула бурая кровь, поэтому пришлось на миг зажмуриться; кто-то крепко ухватил воина за ногу, а на спину запрыгнула ещё одна тварь. Наголенник, к счастью, выдержал укусы, поэтому первым делом Ратибор стряхнул врага с ноги, а потом наощупь ухватил оседлавшего его трупоеда и швырнул через себя. Тот попутно успел цапнуть рыцаря за руку, прокусил рукавицу и сдёрнул её, разодрав зубами кожу.

Для крестьянина четверо гулей – смертельная опасность, потому что порвут и сжуют. А вот против бывалого воина в мало-мальски приличной броне эти чахлые по сути создания уже мало что могли. Зубы коротковаты, челюсти слабоваты, вес маловат. Разве что поцарапают неприятно, ну или изловчатся добраться до шеи. Однако обычно для этого требовалось значительно больше тварей.

Поэтому Ратибор по большей части раскидывал бросающихся на него гулей, как медведь – собак. Потом удачно выставил клинок и одного из выродков насадил, как на вертел. Почти сразу поймал за шею второго и свободной рукой со всей дури долбанул его в череп. Гуль мгновенно сломался и обмяк.

За последним рыцарю пришлось изрядно побегать – нападать трупоед больше не хотел, только повизгивал и щемился поближе к выходу. Воин его туда не пускал. Спустя па-

ру минут метаний по пещере гуль наконец попытался обогнуть Ратибора по стене, но споткнулся и свалился аккурат под опускающийся палаш.

Воин вытер клинок и перевёл дух. Дышать из-за духоты было тяжело, а вонь ещё больше усложняла жизнь. Луч света, падающий сверху, освещал небольшой овал пола, но мешал разглядеть хоть что-то за его пределами.

Ратибор прошёлся взад-вперёд, наклонился за потерянной перчаткой и, прикрыв ей лицо, шагнул за пределы светового круга.

Всё было как сказал Гвин. Останки валялись вдоль стен, много, разной полноты и возраста. Вздувшиеся полуобглоданные тела лежали вперемешку с костями. Попадались и свежие, совсем нетронутые мертвецы. У таких даже глаза ещё были на месте – неизменно открытые, навывкате, с жутким стеклянным взглядом. Идя среди них, рыцарь быстро нашёл всех пропавших в селе людей. Один, сухой мужичок лет пятидесяти, был одет как охотник. У другого, парнишки-подростка, на шее висел пастуший свисток. У второго охотника лицо уже обглодали трупоеды, а у старухи в глазницах копошились личинки. Валялись на полу и другие несчастные, неизвестно откуда взявшиеся. Может, с окрестных деревень, а может и с тракта. На глаз Злыдня хозяйничала в окрестностях уже не первый месяц. И даже не второй.

А потом Ратибор понял, что трупы и кости только человеческие, и ему стало не только тошно, но и страшно. Тварь не

охотилась на животных, совсем. Это значит, что скот Злыдня убивала с какой-то другой целью. Наверное, чтобы выманить селян, заставить на себя охотиться. Стало быть, людей она не боялась, и, судя по количеству трупов, вполне обоснованно. Но самое страшное даже не это.

Злыдня тащит людей в своё логово, причём возможно ещё живых. Но не ест. Зачем же тогда она их убивает? И чем она питается? Ведь должна же любая живая тварь что-то жрать!

В горле у Ратибора снова пересохло. Рука сама стиснула рукоять палаша. Некстати вспомнились слова Гвина о Вахнарской резне. Точнее даже не сами слова, а то, как они были сказаны.

А ещё рыцарь вдруг снова припомнил встречу с плутоватым «охотником». Ведь воин приглушил фонарь, а Гвин шёл вовсе без света, в крошечной темноте. У него даже факела с собой не было. И он перед самым столкновением вроде бы руку распорол, а когда зажжёт лучину, на ладони только тоненький красный след виднелся, и ни кровинки не выступило. Опять же, бледность нездоровая. Познания о гулях удивительно точные. И к чему же завёл он рассказ о Резне...

Тут луч света за спиной Ратибора словно чуть притух. Тот обернулся: никого и ничего. Задрал голову – и остолбенел.

Синий светящийся глаз с жёлтым зрачком смотрел на рыцаря с потолка. Смотрел всего пару мгновений, а потом рванул навстречу.

Ратибор взмахнул было палашом, но его сбили с ног рань-

ше, чем рука успела подняться. Удар вколотил рыцаря в каменный пол. Пещера оглушительно зазвенела – или это только у воина в голове? – и померкла. Потом в шею воткнулось тонкое жало – резко, почти безболезненно, Ратибор даже не успел испугаться.

А потом уже не смог.

В животе справа страшно запекло, и вдруг отнялись ноги. Затем жар распространился по всему телу, волнами, перекрывающими одна другую; стало трудно дышать, словно на грудь положили тяжеленное бревно. Челюсти разомкнулись, но звук, который вырвался из глотки, больше походил на храп огра, чем на крик человека. Воин распахнул глаза и приподнялся; его тело словно утратило твёрдость: руки неестественно гнулись, пригибались к земле, будто не имея костей, туловище оплывало и вытекало из одежды и доспеха. Жар к тому времени стал уже нестерпимым, человек попытался дёрнуться – и вдруг понял, что на самом деле лежит на спине полностью парализованный.

Над ним склонялось нечто со светящимся синим оком. Из-за бьющего сверху света Ратибор мог разглядеть только глаз да силуэт – даже близко не человеческий, с бугристой головой, крепкой шеей и массивным туловищем. Глаз не моргал. Он пробежался по добыче и жадно впился в её лицо, словно надеясь прочесть по нему все мысли и чувства. Рыцарю почему-то показалось, что одноглазое нечто было вполне способно на это.

Во взгляде ока чувствовался голод.

Ратибор внутренне завопил, запертый в собственном теле, как в клетке. Жар уже пошёл на убыль, поэтому способность мыслить постепенно возвращалась. Но лучше бы она, наоборот, исчезла окончательно. Потому что вместе с жадным взглядом синего буркала, который проникал прямо в душу рыцаря, в стенки черепа билось настоящее, непреодолимое безумие – оно синим пламенем объяло весь мир, все времена, и пожирало, пожирало, и никак не могло насытиться, а Сущее корчилося в муках и рвало само себя на части...

А потом синий огонь погас, и сознание вернулось к Ратибору. Помешательство пошло на убыль. По потолку пещеры пробежало и скрылось в дыре существо с гладким, как у угря, телом и уродливой башкой. Страх с паникой отступили, и от облегчения даже захотелось плакать, но рыцарь не мог. Он по-прежнему лежал обездвиженный.

Каждая минута в таком положении казалась часом. Воин не просто не мог пошевелиться – он вообще не чувствовал своего тела, будто того и не было. Всё, что ему осталось – это дыхание да заторможенные движения глаз и век. А ещё мысли: «я здесь умру», «куда оно ушло?», «как же трудно дышать», «я наверняка помру здесь, сгнию, как все эти...» – и другие в том же духе. Они кружили точно вороньё, ожидающее, когда человек издохнет, чтобы выклевать ему глаза. Отчаянно хотелось разорвать себя изнутри, чтобы выбраться на свободу и сбежать от них, от Злыдни, от всей этой исто-

рии, а потом и рыцарства заодно – никогда Ратибор не думал, что погибнет вот так, беспомощный и запуганный до смерти, оставленный на поругание червям и трупоедам. Воин думал, его жизнь отнимет клинок, когти или клыки, в славном бою, а вместо этого познал на себе участь легендарного Фаррита, которого разъярённый бог превратил в камень.

Скупой свет пробивался сквозь лаз в потолке, и рыцарь с затухающей надеждой следил, как луч меркнет. Воин знал: там, снаружи, наступил вечер. Солнце плавно закатывалось за горизонт, раскрашивая небо и облака в яркие цвета, ветерок трепал кроны деревьев, в которых допевали сегодняшние песни пернатые летуны – какая благодать! А Ратибор умирал здесь. В темноте вечной. Забытый всеми, точно булыжник, брошенный на дно колодца. Он только надеялся, что забудется и умрёт во сне. Раньше, чем погаснет последний свет. До того, как явится синее око с яркой, будто раскалённой сердцевиной и выжжет душу рыцаря синим пламенем безумия.

Вдруг пещера ожила – по ней прокатилось эхо шагов. Сначала тихое, потом всё громче и громче; воин силился посмотреть в сторону входа, но лежал к нему правым ухом, а голову повернуть не мог. Сначала Ратибор решил, что явилась оставшаяся часть стаи трупоедов, но потом понял – шагает человек. Не медленно, но и не торопясь, будто оставаясь настороже.

Крик о помощи так и не покинул грудь рыцаря.

Достигнув логова, человек остановился.

– Ну Яворова жопа... – расстроено протянул Гвин. – Как же так-то?

Он обошёл рыцаря полукругом, а потом его опечаленное лицо появилось в поле зрения.

– О! – лицо повеселело. – Да ты живой!

И юноша нагнулся, будто собирался обнюхать рыцаря.

Рукав у Гвина был разодран, причём так лихо, будто вместе с рукой. На подбородке едва виднелась почти зажившая ссадина, хотя Ратибор готов был поклясться, что раньше её не было. Очевидно, горе-охотничка потрепали, но выглядел он бодрым и ни одним движением не выдавал травм.

– М-да, – заключил наконец Гвин. – Досталось тебе. Но ты не переживай, всё обойдётся. Выйдешь отсюда на своих двоих! Это Злыдня ведь тебя так, не гули же, в самом-то деле? Точно Злыдня. Она, видишь ли, питается человеческим естеством. Высасывает душу, если по-простому. А пролезла, значит, через ту дыру... М-да. Думал, там совсем узко, не пролезть. Или она змееподобная? Эх, жаль ты ответить не можешь! Паралич пройдёт ещё не скоро, судя по всему. Ну ты не бойся, теперь уж я тебя тут одного не оставлю. Просто надо было гулей остальных перебить, чтобы не мешались. Они, скотины недобрые, врассыпную кинулись, долго догонял... Кажется, всех так и не догнал. Ну и тролль с ними, всё равно сюда уже не сунутся. А этих ты здорово напластал! Уважаю. Злыдню, ты уж прости, тебе не по зубам одолеть.

Это я сразу знал. Уж больно пахнет она... необычно. Я так обычно с людьми добрыми не поступаю, но живец из тебя получился преотличный. Раз она тебя сразу досуха не выпила, значит вернётся ещё. Доедать. Тут я её и накрою, душегрызку пучебрюхую...

Болтая таким образом, Гвин гулял вокруг Ратибора – прогулочным шагом, заложив руки за спину. Он, казалось, вообще не сознавал, где находится. Просто приятно проводил время, общаясь с неподвижным воином, которому от такой дикости хотелось выть. Рыцарь совсем перестал понимать, что происходит и кого ему опасаться – Злыдню, которая пожирает души, или Гвина, который ничуть её не боится? Кто знает, что этому полоумному может в голову взбрести?

«Охотник» повернулся на свет, и Ратибор заметил, что лицо у того совершенно целое. Да и предплечье, проглядывающее в прорехе рукава, было даже не оцарапано – а ведь на ткани явно засохла кровь. Кожа Гвина даже в гаснущем свете казалась чересчур бледной, и кое-где под ней проглядывали красные изогнутые линии сосудов.

Вдоволь наговорившись, юноша остановился прямо под дырой в своде, задрал к ней голову, и задумался.

– Не торопится она что-то обратно, – заключил он. – Видно, охотится или отдыхает. Придётся нам с тобой обождать. Ты, небось, хочешь поскорее отсюда выбраться... но ты уж извини. Тогда никакой гарантии, что Злыдня придёт. А мне она ой как нужна. Если я её не поймаю, здешним селянам

Злыдня покажется всего лишь прыщом на заднице...

Гвин подошёл к рыцарю и лёг с ним рядом – вроде бы заложив руки за голову. Теперь они оба пялились в потолок, тонущий в сгущающейся темноте.

– Раз уж есть время, – сказал Гвин, – закончу-ка я рассказ. Ты же хотел узнать, причём тут Резня?

Рыцарь очень хотел ответить, что ему плевать, что он просто жить хочет, очень-очень, и что не надо ничего рассказывать, просто вытащи меня отсюда, ну пожалуйста, что хочешь для тебя сделаю, ну что тебе стоит?..

Но, конечно, не мог.

– Так вот, – продолжил Гвин. – Те двое успешно сбежали из города. Прятались, старались ни во что не ввязываться. Понемногу продавали гелиодор – в десять раз дешевле стоимости, да только выбирать не приходилось. Постепенно они всё дальше уходили от владений Дхаруна, и в один прекрасный день нелёгкая вынесла их к особняку чародея-отшельника.

Вдруг Гвин замолчал. Беспечность из его голоса постепенно исчезла, как и провинциальный говорок. Осталась лишь чистая, чёткая речь, и звучала она неприятно. Слишком уж правильно и серьёзно.

– Чародей тот жил в глуши давно, почти с самого Великого Света. Тоже прятался от всех. У него в прислуге был только дед-ключник да парочка подобранных на трактах нищих. Местечко было тихое, диковатое, в густом лесу, что взби-

рался на склон горы. С обзорной башенки вид открывался просто загляденье, особенно ранней осенью. Примерно тогда Атгис и Стана, которые назвались Сашем и Кутьяной соответственно, и пришли на порог к Тиссану, тому самому чародею. Ему людей в хозяйство не хватало, поэтому он и взял ребят. И прожили они там безбедно добрых пять лет. До самого дня Ваханарской Резни. Ну что, интересно тебе?

Ратибор, понятное дело, не ответил.

– Тогда слушай. День был ненастный...

История Ваханарской резни, часть 3

День был ненастный. С самого утра дул холодный ветер, который к вечеру принёс мокрый снег. Поверх опавшей листвы повалились крупные хлопья. Они липли ко всему, к чему прикасались: за каких-то полчаса особняк с ветреной стороны стал белым, как неправильной формы снеговик.

Внутри топили печи и затыкали щели в рамах. В каждой комнате стоял вой, заставляющий плотнее кутаться в одежду. Дед-ключник ходил с масляной лампой из комнаты в комнату и бормотал под нос «Эх, небывало. Эх, небывало...», раз пятьдесят по кругу, а потом менял реплику на «Суставы-то ноют. Ноют суставы...» и повторял уже её. Поварёнок – так называли сорокалетнего бородатого мужика – не вылезал с кухни, оправдывая это тем, что запекает гуся по особому «долгомому» рецепту, хотя все отлично понимали, что он просто не хочет отходить от тёплой печи. Поэтому на улицу пришлось идти Сашу: закрывать сараи, убирать развешанное бельё, натаскивать дров и всё в этом духе. Кутьяна осталась заниматься домашними делами и тайком поглядывала на возлюбленного из окна. Швея и горничная со странным именем Масуля на несколько дней уехала к родичам – брата хоронить. Тиссан, как обычно, заперся на своём вто-

ром этаже и носа оттуда не казал. Занимался исследованиями.

Он вообще был нелюдимый, этот чародей. И если по-честному, то веяло от него какой-то жутью, как и от его исследований. Внешне обычно спокойный и даже иногда приветливый, он мог не выходить из своих комнат неделями, и оттуда такие звуки порой доносились, что Поварёнок пару раз со страху сползал под кровать. Скрежет, хруст, треск, да ещё протяжные, будто что-то большое рвали или крошили. Иногда Саш заходил в те комнаты – когда Тиссан звал помочь – но ничего особенного там не видел. Ну, книги. Ну, приборы. Ну, колбочки какие-то, сумочки, скляночки – что же такие звуки тогда издаёт? Да ещё и посреди ночи.

Но спрашивать у Тиссана никто не решался. Потому что если уж чародей не в духе, то лучше с ним разговора не заводить. Нет, он никогда ни в кого не швырялся магией, но мог так высказать на ровном месте, что хотелось сбежать подальше и хотя бы пару деньков ему на глаза не попадаться. А не в духе он бывал только из-за своей работы – вот о ней и не спрашивали.

Тем более что Аттису нравилась его нынешняя жизнь. Вот прямо такая, какая есть. Им было хорошо со Станой, хоть оба и скучали по городу. Их не одолевали тяжким трудом, не испытывали, не вынуждали зарабатывать себе на краюху хлеба – у Тиссана были деньги, поэтому в особняке царил достаток. Пусть чародеев повсеместно недолюбливали, а то

и норовили сжечь, близлежащий городок, Ваханара, с местным магом торговать не брезговал. Аттис с Поварёнком раз в две седмицы ездили туда на рынок – продать магические безделушки и купить всё для усадьбы. В такие дни бывший вор никогда не упускал возможности прикупить что-то для подруги сердца – и никому до этого дела не было.

Аттис и Стана наконец-то жили в своё удовольствие и ничего не боялись. У них не было целого мира, как мечталось, но был уютный уголок, который вполне мог этот мир заменить.

«Поднимись ко мне, пожалуйста».

Саш всякий раз вздрагивал, когда у него в голове раздавался чужой голос. Тиссан же считал, что использовать магию вместо колокольчика вполне нормально, так что все старались подстроиться. В конце концов, именно чародей содержал поместье, да и владения были его, пусть он никогда не требовал к себе особого отношения.

Поэтому, вздохнув, Саш снял рабочие рукавицы и пошёл в дом. Уже почти стемнело, а у него оставалась работа, которую не хотелось откладывать на завтра, потому что к завтрашнему дню всё позамерзает.

Встретившись в коридоре с Кутьяной, он привычно чмокнул её в макушку и направился к лестнице на второй этаж. Там было тихо. Саш остановился перед дверью, стряхнул снег с головы, коротко постучал и вошёл.

– Звали?

Тиссан стоял напротив двери и как-то странно смотрел на помощника. С болезненным нетерпением.

– Закрой дверь, – потребовал он.

Саш, насторожившись, подчинился.

– Что-то не то я сделал, господин?

– Да нет. Всё хорошо. Просто мне нужна твоя помощь.

И тут Саш ощутил, как отказывают ноги, а потом и руки. Будто со стороны он видел, как валится на пол, цепляясь за косяк, поворачивается, недоумённо глядя на чародея. А у того в выцветших голубых глазах нет ни капли удивления.

– Ты уж прости, – сказал Тиссан, подходя и глядя Саша по волосам. – Но годишься только ты.

Всё тело Аттиса словно одеревенело – мышцы не повиновались, в том числе и язык. Он проямлил что-то и попытался перевернуться, чтобы встать хотя бы на четвереньки.

– Не противься, – попросил маг. – Это только всё усложнит.

А потом одеревенение достигло разума юноши, и он перестал мыслить.

Очнулся в полумраке. Горели свечи и настольный фонарь. Пахло какой-то едкой гадостью и травами – они курились повсюду. А ещё что-то щёлкало. Ритмично, неспешно и чуточку жутко.

Саш лежал на столе, пристёгнутый по рукам и ногам серебряными браслетами толщиной в палец. Тело уже слуша-

лось, но пошевелиться из-за оков не получалось. На нём не было рубашки, и на груди было что-то нарисовано красной краской. Во рту торчал кляп.

Тиссан что-то беспрестанно бормотал, но за пределами видимости.

Саш задёргался, замычал, как мог покрутил головой. В ногах у него стояла чаша, в которой горел огонь, и цвет его менялся непредсказуемо. По бокам на столах темнели кучи чего-то сыпучего. Весь потолок занимала магическая фигура – безобразная, но явно выверенная до волоска. Она неравномерно светилась: пересечения то и дело вспыхивали, пуская волны по линиям.

Стало очень страшно. Чутьё подсказало Сашу, что его приносят в жертву, причём с помощью какого-то ритуала – вот только кому? Впрочем, без разницы, ведь ответ юношу не устраивал в любом случае. Поэтому он не придумал ничего лучше, как рваться изо всех сил и пытаться прожевать кляп.

Тиссан это заметил и тут же подскочил – у него под глазами набрякли мешки, но взгляд всё ещё был горячий. Саш никогда его таким не видел, и это пугало ещё больше.

– А ну не дёргайся! – прикрикнул чародей. – Ты что, не хочешь причаститься к великому и дать жизнь открытию?

Саш неистово замотал головой.

– Потому что ты всего лишь глупый мальчишка! – выплюнул Тиссан ему в лицо. – Конечно ты бы не согласился, ко-

нечно... Потому я тебя и не спрашиваю. Лежи смирно! Кому сказал?! Хочешь, чтобы я сюда твою ненаглядную притащил и рядом положил? М?

Услышав угрозу, Саш пронзил предателя ненавидящим взглядом, но дёргаться всё же перестал.

– Так-то лучше, – кивнул маг и снова исчез. – В твоих же интересах идти мне навстречу! Ведь я сегодня ловлю зверя. А ты станешь ни больше ни меньше – клеткой. Если будешь сильно ему сопротивляться, он тебя разорвёт. Если примешь его – кто знает... Может, выживешь.

Судя по интонации чародея, он и ломаного медяка бы за это не дал.

Саш от бессилия зарычал на весь этот сволочный мир. Прозвучало сдавленно и попросту жалко.

– Да не реви, – бросил Тиссан. – Об этой ночи будут в книгах писать, самых разных, в том числе по истории. А ты тут почти главный герой. Не главнее меня, конечно, хе-хе... Ладно. Приступим.

Фигура на потолке вспыхнула, и Саш вздрогнул. Огонь в чаше зачалил непроницаемо чёрным дымом; тот возносился кверху и впитывался в сияющие линии. Огоньки свечей вдруг стали такими тусклыми, что перестали доставать светом до стен – казалось, комната исчезла, осталось лишь бесконечное чёрное пространство, в центре которого был распят Саш.

Тиссан опять начал нести тарабарщину, из которой было

не понять ни слова. Спустя пару секунд Саш понял: кто-то повторяет каждое сказанное чародеем слово, и этот второй голос, тихий и надтреснутый, шёл сверху. Он плавно заползал юноше в уши и отражался внутри черепа, множась, заполняя все мысли. Вокруг скапливалась энергия: Саш чувствовал это, потому что она словно была его частью. Эта сила скручивалась в спираль и уходила к фигуре, а потом проваливалась куда-то – и Саш вслед за ней.

Разум нырнул в приоткрывшуюся брешь, и тело, прикованное к столу, выгнулось дугой.

Там, за пределами комнаты, внутри плоской фигуры, пределов не было вообще. Саш не видел, но ощущал миры, которые словно застряли один в другом, хаотично перемешанные, скрещенные, изуродованные; их населяли твари, каких не встречал ни один человек на свете – и слава Богам, потому что трудно было выносить даже одно их присутствие. Сила, которая влекла юношу за собой, приближалась к чудищам, словно бы оценивая, потом огибала их и всё дальше углублялась в слоистое месиво пространств.

Здесь оживало мёртвое, а живое пожирало само себя – бездумно, но с большим аппетитом. Громадное умещалось в малом, холодное – в горячем, пустое – в полном; существование не имело смысла, но шло по кругу, замыкаясь в бесконечность. И были здесь те, кто ничего никогда не хотел, а были вечно голодные, ненасытные и злые. Они не имели глаз, ушей, носа, но всё видели, слышали и наблюдали, при-

нюхиваясь – что за странное создание вторглось на их вотчину? Зачем оно пришло? А съедобно ли оно?

И вот Сила тянется к одному из этих существ, даже не самому жуткому, но стократ более опасному, чем разъярённый огр. Она касается твари, и та заинтересованно подаётся навстречу. Тварь чует Саша. Она признаёт в нём лакомство. Она жаждет набить им утробу; от нетерпения у неё сводит внутренности. Пара мгновений – и существо кидается на добычу.

Вот только у Тиссана другие планы. Сила выдёргивает жертву фактически из-под носа монстра, чем ещё больше его раззадоривает. Тварь бросается следом, и начинается гонка на выживание, больше похожая на безумную пляску среди гротескного кладбища погибших миров. Мимо проносятся леса, состоящие из щупалец, замшелые руины, резные шпили; Сила Тиссана нырнула в остов невиданного чудовища, а вынырнула уже в пустыне, взмыла над ней и оказалась в серых джунглях, растущих сверху вниз. Казалось, такой скорости никто бы не выдержал, но существо и не думало отставать, преследуя заслуженный, как оно думало, обед.

Вдруг впереди появляется прореха. Саш узнаёт её – в такую он провалился, когда его выдернули из физической оболочки, которая осталась, кажется, в другой жизни... И точно: нырнув в воронку, Сила вырвалась из магической фигуры и с размаху швырнула сознание человека в заходящееся в трясучке тело.

Глаза тут же распахнулись. Ставшее непривычным человеческое зрение было примитивным и слабым, но благодаря ему Саш увидел, как Тварь из потустороннего мира, вскрывая потолок, прорывается в комнату. У неё не было постоянной формы – только дымчатые отростки, что приобретали вид гибких конечностей; ими Тварь упиралась в фигуру, словно проталкивая себя сквозь слишком узкий для неё портал.

Она была голодна и безразлична ко всему, кроме своего голода. Она не ведала страха, ибо просто не знала, что это такое. Ей было плевать на окутывающую её магическую вуаль и замершего в благоговейном экстазе Тиссана.

Она собиралась поесть.

Едва вырвавшись из тесноты межпространственного перехода, Тварь обрушилась на свою добычу и проникла под кожу прямо через поры. Сашу в тот миг показалось, что его порвали на куски; тело снова затрепыхалось и заколотилось, но юноша этого уже не ощущал.

В собственной голове он был уже не один. Его сосед, невидимый, но более чем осязаемый, по-хозяйски осматривался и облизывался. Он умел пожирать жертву только одним способом: изнутри. Вот только питался он вовсе не мясом и не внутренностями. По правде, тело его вообще не интересовало. Совсем другое дело – то, что к телу привязано на гораздо более тонком уровне. То есть то, что Аттис имел в виду, когда говорил «я».

Бороться с этой Тварью было немислимо. Поэтому Аттис попытался сбежать, хоть и не представлял, куда. Он попытался найти уголок в своей голове, куда хищник не добрался, но всюду натыкался на подстерегающий его Голод – словно Тварь играла с ним перед тем, как сожрать. Тогда Аттис решил сбежать наружу.

Он снова распахнул глаза и увидел, что Тиссан стоит, занеся над ним кинжал.

– Не!.. – только и успел промычать Аттис перед тем, как лезвие погрузилось в его грудь по самую рукоять.

Он ещё успел услышать, как взвыла от боли Тварь внутри, и больше ничего уже не мог думать. Человеческая его часть погрузилась в предсмертное оцепенение.

Тварь окончательно взбесилась. Она попыталась выйти и не смогла. Куснула умирающую душу Аттиса – и снова взвыла от боли.

Фигура, которую Тиссан намалевал на груди Саша, раскалилась, расплавила кожу, смешалась с ней, почернела и застыла, как кусок обсидианового стекла. Кинжал торчал в её центре точно ключ в замке. И при всём могуществе Твари этот замок оказался ей не под силу.

Аттис умирал. Его сердце уже не билось, но последние искорки жизни ещё не затухли до конца в его теле.

– Давай, давай... – бормотал Тиссан в нетерпении, глядя на свою жертву.

Тварь поняла, что её обманули. Она не могла поестъ и не

могла сбежать. Оболочка, в которой её заперли, умирала, и Тварь не могла этого допустить, чтобы не оказаться погребённой заживо.

Поэтому она властно взяла тело Аттиса под контроль – и то начало меняться на глазах.

Со второго рывка обруч, сковавший левую руку, лопнул. Рука неловко изогнулась, точно неправильно сросшаяся, и с хрустом сломалась, выгнув локоть против сустава. Кисть с удлинившимися когтями вцепилась и вырвала из груди кинжал, а потом бросила его, как какой-то мусор. Рана на груди тотчас затянулась, но заклятие-замок это не разрушило – только треснуло чёрное стекло фигуры.

Одна за другой прочнейшие оковы лопались. Тиссан такого явно не ожидал, но держался смело – главный козырь всё ещё был у него. Поэтому, когда Тварь встала и повернулась к нему, он поднял перед собой заранее приготовленный зачарованный камень и произнёс:

– Добро пожаловать, демон! Я – твой хозяин.

Под влиянием Твари кожа Саша стала белой, испещрённой сеткой красных сосудов. Руки удлинились и обзавелись мощными когтями, а на тыльной стороне ладони образовались толстые костяные наросты. Чёрное стекло высыпалось из груди, и на его месте осталась только фигура, вытравленная прямо в коже. Нижняя челюсть будто оторвалась – она раскрывалась так широко, что опускалась до груди. Ноздри тоже раздувались совершенно ненатуральным образом. И

только глаза почему-то остались Аттиса, человеческие.

Правда, сейчас они были налиты кровью от ярости.

Тварь не могла сожрать Аттиса, но сожрать других могла и хотела. Особенно вот эту букашку, которая возомнила себя слишком умной.

Тиссан выкрикнул магическую формулу и приказал:

– Повинуйся мне! Я сильнее тебя, демон!

Тварь даже не шелохнулась. Вид её никак не соответствовал тому, чего от неё требовали. Она сдерживала бешенство лишь потому, что хотела насладиться страхом букашки.

– Повинуйся! – нервно повторил чародей, тряхнув перед собой амулетом.

Но Тварь не повиновалась. Она лишь шагнула магу навстречу. Тот в последний миг изменился в лице, словно ему случилось озарение. У него буквально на лбу было написано: «похоже, я вызвал не того демона...»

Аттис, который как раз пришёл в себя, увидел, как его пальцы проникают в рот чародея, хватают его за нижнюю челюсть и одним движением вырывают её с корнем. Но на этом Тварь не остановилась: когда бьющийся в конвульсиях человек повалился на пол, она наклонилась, схватила болтающийся длинный язык, потянула, приблизив голову Тиссана к своему лицу и попыталась сожрать его умирающее «я».

И несмотря на то, что прежде она делала это только изнутри, снаружи у неё получилось не хуже. Правда, было уже не так вкусно, и наестся не получилось. Однако где-то по-

близости она чуяла ещё три подобных букашки...

Когда Тварь распрямилась и направилась к двери, Аттис бросился на захватчика как бешеный пёс. Он хотел только одного: отобрать власть над телом и убить себя, потому что если эта Тварь спустится вниз... нет, лучше убить себя прямо сейчас, на месте!

Демон от его отчаянной атаки лишь отмахнулся, но и этого было достаточно, чтобы лишить сил и без того ослабленного Аттиса. Его будто отшвырнули в угол, спеленали по рукам и ногам, но оставили возможность наблюдать. И дальше Аттис только это и делал: наблюдал. В своём собственном теле он был на правах паразита. Сколько бы он не дёргался, сколько бы не рвался, от него больше ничего не зависело. Ни единого вздоха.

Тварь вышибла дверь и спустилась по лестнице. На улице давно наступила ночь, но зрение демону было не нужнее, чем птице – плавник. Он ощущал мельчайшие энергетические токи, малейшие колебания Эфира, поэтому мир в его восприятии был настолько ярок и детален, что Аттис бы непременно сошёл с ума, если бы всё время прислушивался к ощущениям Твари – а они были доступны ему в полной мере.

На свою беду, навстречу демону вышел дед-ключник. Он был измождённым и малоаппетитным, но голод – не тётка, особенно у Твари, поэтому она сожрала его душу, а затем оторвала голову, потому что всё ещё была в бешенстве.

Потом Тварь повернулась, и... увидела стоящую в конце

коридора Стану.

Аттис внутри себя взревел и рванулся изо всех сил – отчаяние умножило их настолько, что, казалось, их хватило бы на целую гору. Тварь слегка пошатнулась. И в следующий миг отделала Аттиса так, чтобы причинить как можно больше боли и напрочь отбить желание сопротивляться. Вот только это не помогло. Парень знал, что сейчас у него отнимут самое главное, самое важное, то, без чего он не сможет и не захочет жить, а потому дрался насмерть, невзирая на любую боль.

Жаль, что мог он не так уж много.

Тварь настигла Стану в два прыжка. Раскальвая собственный череп криком, Аттис от первого лица наблюдал, как его же когтистая лапа пробивает грудь девушки и рвёт её сердце на ошмётки. Как глаза Станы широко раскрываются от удивления и прямо так начинают стекленеть. А потом демон, который уже наловчился глотать тающие в предсмертии души, отправляет сущность девушки в свою ненасытную утробу, где та во мгновение ока распадается на кусочки и становится частью сущности Твари.

Больше Аттис не сопротивлялся. Он видел всё, что было дальше, но не мог придать этому хоть какое-то значение. Ему казалось, что его тоже «сожрали». Просто зачем-то оставили ему предсмертное мгновение, которое никак не заканчивалось.

Он видел, как Тварь вытащила из-под кровати перепуганного Поварёнка и «сожрала» его.

Потом металась по особняку в поисках другой пищи, но нашла лишь несколько кур в курятнике, которых тоже перебила.

Потом она вернулась в дом и в ярости расчленила все тела, разбросав их части повсюду, разгромила всю мебель.

А потом Тварь вышла на дорогу, которая вела в Ваханару.

Глава 4

– Как ты понимаешь, до Ваханары она добралась и устроила там такую бойню, что до сих пор байки ходят. Я почему-то до сих пор всё помню до мельчайших деталей. Повезло тебе, что нет таких воспоминаний... Я вот как сейчас вижу, как всю ночь кромсал людей и животных, всех без разбора. Сто шестьдесят девять человек, если быть точным. К рассвету крови на мне было столько, стекала ручьями. Хорошо, что горожане разбежались в ужасе, а то трупов было бы больше. Но демон всё никак не мог насытиться, ему всё было мало. Ему казалось, что ещё чуть-чуть, ещё немножко и хватит, но нет! Не хватало. От этого он бесился ещё больше, и убивал, убивал, без устали, пока не осталось добычи, а потом опять вышел на дорогу. Встретил ранний караван – сожрал. Патруль – сожрал. Бродячего пса, и того...

Гвин замолчал.

Снаружи давно стемнело. Слушая голос случайного встречного, Ратибор на время отвлекся и забыл о тяжести своего положения, а теперь вдруг снова оказался наедине с тишиной и темнотой. И ему снова стало страшно – но уже не так, как раньше. Рыцарю очень хотелось, чтобы Гвин снова заговорил, лишь бы не оставаться в этом тёмном густом безмолвии, неотличимом от смерти.

Тот словно мысли его прочитал.

– Он почти дошёл до крупного города, которому Ваханара даже близко не ровня. Страшно представить, чего бы там было, но... судьба повернулась иначе. Встретился демону какой-то чародей на дороге. Демон его даже обнюхал по-особому перед тем, как напасть. А напал – и меня отшибло напрочь. Помню только то, что было, когда очнулся. Именно я очнулся, а не демон, понял? Вот. С тех пор демонею только изредка. Демон, он, знаешь ли, и сейчас со мной. Просто больше он не отбирает у меня тело. Нет, если уж демонею, так я сам...

Гвин не договорил, потому что прямо над ними вдруг зажёгся синий огонь с жёлтой сердцевиной.

Душа рыцаря тотчас захотела оказаться на другом конце света, но дальше пяток уйти не смогла. Гвин же только проговорил, как-то слишком уж спокойно:

– А вот и ужин мой пожаловал.

Глава 5

Ратибор и в самом деле мог видеть и слышать немного. Его восприятие мало того, что было ограничено скудными человеческими возможностями, так он ещё и лежал парализованный. Зато Гвин видел и знал куда больше.

Например, он в первые же секунды после того, как увидел, понял, что за существо эта Злыдня. Он и так знал, что это не просто мутант или химера – энергетический «запах» эта тварь оставляла весьма специфичный. Просто теперь, оказавшись в непосредственной близости, Гвин учуял куда больше.

Злыдня обитала в здешних местах несколько лет, но активно охотиться начала только недавно. Она и в самом деле умела глотать души и «переваривать» их, и с каждой жертвой становилась сильнее. А чтобы не голодать, эта сволочь растягивала удовольствие – тащила к себе и мучила парализованную добычу, приканчивая её за несколько подходов. Для Злыдни самое вкусное было в агонии жертвы, когда душа впадала в предсмертное безумие – так что она научилась ещё и запугивать. От этого страха-то люди и умирали.

Гвин встал и отряхнулся. Гули, с которыми он расправился пару часов назад, для него угрозы не представляли вовсе. Злыдня же была противником куда более серьёзным.

– Эй, синеглазка! – крикнул он наверх. – Ну чего ты там

расселась, спускайся давай!

Злыдня не понимала слова, но общий посыл улавливала. Она тоже чуяла, что перед ней не совсем обычный человек, но прежде она таких не встречала, а бояться человекоподобных разучилась. Поэтому прыгнула на землю в нескольких шагах от дерзкого двуногого и попыталась его для начала припугнуть.

Гвин почувствовал лёгкое помутнение, потрянул головой.

– Боюсь, боюсь! Ещё немного и в штаны навалю.

Голод уже заметно его нервировал. А Злыдня, стоящая совсем рядом, «пахла» очень привлекательно. У Гвина с «попутчиком» просто слюнки текли. Точнее, демон изнывал от голода, а Гвин привычно боролся с двойственностью, возникающей из-за слияния ощущений Твари и своих собственных.

– А ты, значит, тоже пробавляешься душами, – сказал Гвин, медленно обходя Злыдню по кругу. – А мне вот человеческие не очень. Не могу наестся. Они... безвкусные. Не то, что надо. Нет, моему соседушке подавай экзотику! Вроде тебя. Химеры сверх меры, ха!

Злыдня, поблёскивая синим глазом, тоже шла по кругу. Она думала, как вернее будет напасть, и от предвкушения этого рывка у Гвина даже в голове мутнело.

Он знал, что наконец-то поест. И этой добычи ему точно хватит на добрый месяц.

– Любишь играть с едой, значит, – сказал Гвин и отчёт-

ливо услышал, что голос его уже изменился. – Ну ничего, недолго тебе баловаться осталось. Ты уж поверь, я всяких повидал. Сколько раз меня рвали, сколько раз пытались сожрать! Тут ты уж слишком неоригинальна. Но беда твоя не в этом. Ты лакомишься страхом, извращенка гастрономическая. А меня тебе не напугать – вот в чём беда. Зато...

Договорить он не успел, потому что Злыдня прыгнула на него.

Если бы Ратибор мог хоть что-то видеть, он бы точно подумал, что парню конец. Злыдня была крупнее, поэтому смегла Гвина с ног, оседлала и уже привычным движением вогнула ему ядовитый шип под подбородок. Паралитический яд попал в кровь, и...

– Ням-ням, – сказал Гвин голосом демона и схватил химеру за то подобие шеи, которым её наделила природа.

Когти вошли под гладкую кожу Злыдни, да так и застыли в мёртвой хватке. Химера от боли смешалась, попыталась вырваться – не тут-то было! Искажённое инородной сущностью белое лицо жадно вглядывалось в синий глаз с жёлтой сердцевинкой, предвкушая скорую трапезу.

Только тогда Злыдня наконец испугалась. Она своей звериной системой понятий уловила, что нарвалась на хищника более высокого порядка. Вот только было уже поздно.

В отличие от Злыдни, Гвину было плевать на её страх. Он просто хотел есть.

Швырнув химеру под себя, существо, которое у Ратибора

язык бы не повернулся назвать человеком, буквально начало рвать её на куски когтями и клыками. Лежащего неподалёку рыцаря забрызгало и закидало тем, что ещё недавно было страшной Ночной Злыдней, с ног до головы, а Гвин всё не останавливался. Но он делал это не из кровожадности – ему просто требовалось добраться до «начинки». И когда синий глаз тоже улетел куда-то в сторону, изо рта Гвина вылезло дымчатое щупальце и, обхватив энергетическую субстанцию, составляющую сущность химеры, втянула её в утробу.

Запрокинув голову, Гвин закрыл глаза и откинулся назад.

Насыщение было прекрасно. словно он неделями таскал занозу величиной с полено у себя в груди, а потом её вытащил. Облегчение, помноженное на наслаждение удовлетворённого демона.

Да, этой еды хватит надолго.

Когти втягивались, черты лица возвращались к человеческим, кожа утрачивала неестественную бледность. Эти изменения тоже сопровождались приятными ощущениями, потому что голодный Гвин – это озлобленный клубок боли, а сытый – умиротворённый добрый юноша, который может думать о чём-то кроме пустоты своего «желудка».

Поэтому когда поблизости заскулили, этот юноша нашёл в себе силы прервать наслаждение и встать, чтобы помочь несчастному.

– Ну всё, всё, не бойся, всё закончилось, – сказал Гвин, склоняясь над рыцарем. – Сейчас я тебя вытащу...

Глава 6

К тому времени, как Гвин смог выволочь тяжеленную тушу в доспехах из пещеры, уже забрезжил рассвет. Рыцарь за это время почти пришёл в себя – он вяло и неловко шевелил конечностями и что-то мычал, пока Гвин совершал подвиг спасения. А ещё воин почему-то смотрел на своего спасителя такими глазами, будто его тащила на себе здоровенная мантикора.

Гвин уложил Ратибора на траву и сам повалился рядом – умаялся. Чернота неба ближе к востоку переходила грязно-серый оттенок, и на нём уже терялись белые точки звёзд. Нир светил в полную силу, но и он уже перекочевал туда, где ему предстояло исчезнуть в лучах восходящего светила, более сильного по сравнению с ночным собратом.

– Намного лучше, чем потолок пещеры, правда? – спросил Гвин, разглядывая меркнувшие созвездия.

Ратибор громко сопел, но отвечать не посчитал нужным. А может он просто стеснялся говорить одеревеневшим языком.

Но Гвину, в общем, ответ был и не нужен. Он любил поговорить, но давно привык, что люди с ним говорят не очень охотно. Он их пугал на подсознательном уровне. Это Ратибор от волнения да в темноте не заметил ничего, а другие всегда замечали...

– Тут наши пути разойдутся, – сказал Гвин, поднимаясь. – Не скучай! И не лезь в логово химеры без подготовки, а то долго не протянешь. Всё, я отбыл.

Он развернулся и пошёл прочь. Однако уже через пару шагов его настиг оклик.

– Тот... разбойник, – еле ворочая языком, проговорил Ратибор. – Ты... его... нашёл?

– Сайгара из Нихалы? – обернулся Гвин. – Нет, он погиб во время облавы спустя пару лет. А Дхарун и сейчас жив-здоров, постарел только.

– ... Почему?

Гвин посмотрел на рыцаря с прищуром.

– А ты что думаешь, я тварь кровожадная? Убиваю всех неугодных? Да таких добряков, как я, ещё поискать надо!

А потом развернулся и впрямь ушёл.